

Йоонас Лилья

**СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАЯЗЫКОВЫХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ РУССКОЯЗЫЧНЫХ
БИЛИНГВОВ С ПОЗИЦИЙ НАРОДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

Факультет информационных технологий и коммуникационных наук

Магистерская работа

Сентябрь, 2020

Аннотация

Лилья, Йоонас: Социолингвистическое исследование метаязыковых высказываний русскоязычных билингвов с позиций народной лингвистики

Магистерская работа

Университет Тампере

Русский язык и культура

Сентябрь 2020

Данная дипломная работа посвящена изучению языкового сознания русскоязычных билингвов. Конкретная цель работы – попытаться выяснить структуру знаний билингвов о некоторых языковых элементах в языке вообще и в речи носителей русского языка в России в частности и метаязыковую экспликацию этих знаний.

Теоретическая основа настоящей работы опирается на теорию народной лингвистики. Народная лингвистика – отрасль науки, изучающая взгляды «наивных» носителей языка, то есть людей, не получивших высшего лингвистического образования. Следовательно, главным понятием является «народ» – совокупность «наивных» носителей языка. Другими главными понятиями в работе являются «языковое сознание» и «метаязык». «Языковое сознание», восприятия о языке, рассматривается с помощью «метаязыка» - высказываний, которыми информант характеризует то или иное языковое явление.

Таким образом, объектом нашего исследования являются именно русскоязычные не-лингвисты и их представления о территориальном варьировании русского языка в России. Появились исследования, изучающие языковую компетенцию русскоязычных, живущих в Финляндии, но восприятия русскоязычных не-лингвистов, живущих в Финляндии с народнолингвистической точки зрения практически не изучены.

Для сбора эмпирического материала мы использовали комбинацию социолингвистических анкет и метод карты восприятий. С помощью Анкетирования и карты восприятий ученые выясняют взгляды не-лингвистов на территориальные границы вариаций языка. Мы использовали социолингвистические анкеты для выяснения связи информантов с их возможным теоретическим знанием о русском языке с целью проверки их «наивности». С помощью карты восприятий мы попытались выяснить, где носители русского языка в России имеют своеобразные языковые элементы в своей речи и какие особенности в ней встречаются. Эмпирический материал был собран в октябре 2019 г. в университете г. Тампере. В нашем анкетировании участвовали 17 студентов, изучающих русский язык на первом и втором курсах.

Рассмотрение маркировок информантов на картах показывает, что своеобразные языковые элементы, по мнению информантов, встречаются в разных частях России. Информанты обозначили зоны как в европейской, так и азиатской частях России. Особенно в азиатской части были обозначены разнообразные зоны. Анализ метаязыковых высказываний показывает, что своеобразные языковые элементы встречаются в разных частях России, но комментарии отличаются от данных информантами маркировок тем, что информанты упомянули места особенно в европейской части России. Мы попытались также выяснить, какие языковые особенности в этих зонах и местах встречаются. Анализ метаязыковых высказываний обнаруживает, что в языковое сознание информанты проникают разные аспекты языка – как фонетические, грамматические, так и лексические особенности. Информанты упомянули не только точные языковые детали, но и неспецифические характеристики. Интересно, что среди метаязыковых высказываний были упомянуты некоторые диалектные особенности северного и южного наречий. На наш взгляд, это говорит о том, что диалекты, по крайней мере, в какой-то степени являются частью современного русского языка и фиксируются даже русскоязычными, живущими вне России.

Рассмотрение эмпирического материала не только раскрывает структуру языкового сознания наших информантов, но также выявляет недостатки сбора эмпирического материала – проблемные зоны нашего исследования, на которых следует обратить внимание в дальнейшем исследовании. Анализ показывает, что в методологии, использованной нами, встречаются структурные проблемы, которые могли влиять на ответы информантов. Оказалось, например, что инструкция к методу карт восприятий являлась недостаточной. В работе мы предлагаем решения, с помощью которых можно избежать подобных проблем.

Ключевые слова: народная лингвистика, народная диалектология, языковое сознание, метаязык, «наивный» носитель языка, социолингвистическое анкетирование, карта восприятий

Оригинальность исследования проверена с помощью программы Turnitin OriginalityCheck.

TIIVISTELMÄ

Lilja, Joonas: Sotsiolingvistitšeskoe issledovanie metajazykovyh vyskazyvanij russkojazytšnyh bilingvov s pozitsii narodnoj lingvistiki / sosiolingvistinen tutkimus kaksikielisten venäjänkielisten metakielestä kansanlingvivistisestä näkökulmasta

Pro gradu -tutkielma

Tampereen yliopisto

Venäjän kieli ja kulttuuri

Syyskuu 2020

Tutkielmassa tarkastellaan venäjänkielisten kaksikielisten kielitietoisuutta. Työn konkreettinen tavoite on selvittää, missä Venäjällä ihmisten puheessa tavataan omaleimaisia kielellisiä erikoisuuksia.

Työn teoreettisen viitekehyksen muodostaa kansanlingvistiikka. Kansanlingvistiikka on tieteenala, joka tutkii maallikoiden näkemyksiä kielestä. Tässä tapauksessa maallikolla tarkoitetaan henkilöä, jolla ei ole kielitieteellistä korkeakoulututkintoa. Näin ollen työn keskeinen käsite on "maallikko". Muita keskeisiä käsitteitä ovat "kielitietoisuus" ja "metakieli". "Kielitietoisuudella" tarkoitetaan maallikon käsityksiä kielestä ja "metakielellä" ilmaisuja, joita maallikko käyttää kieltä koskevien näkemystensä kuvaamiseen.

Näin ollen, tutkimukseni kohteena on nimenomaan Suomessa asuvien kaksikielisten venäjänkielisten maallikoiden näkemykset venäjän kielen alueellisista varieteeteista Venäjällä. Suomesta asuvista venäjänkielististä on ilmestynyt useita tutkimuksia, mutta heidän näkemyksiään venäjän kielestä on tutkittu kansanlingvivistisestä näkökulmasta toistaiseksi vähän.

Empiirisen tutkimusaineiston keräämiseen käytin sosiolingvististen kyselylomakkeiden ja mielikuvakartan yhdistelmää. Kyselylomakkeiden ja mielikuvakarttojen avulla tutkijat ovat selvittäneet maallikoiden näkemyksiä kielivariaatioiden alueellisista rajoista. Sosiolingvistiisiä kyselylomakkeita käytin selvittääkseni informanttien venäjän kielen teoreettista tuntemusta varmistaakseni, että informantteja todella voidaan pitää maallikkoina. Miellekarttatehtävää käytin selvittääkseni missä Venäjällä ihmisten puheessa tavataan omaleimaisia kielellisiä erikoisuuksia. Empiirinen tutkimusaineisto on kerätty marraskuussa 2019 Tampereen yliopistolla ja tutkimukseen osallistui yhteensä 17 ensimmäisen ja toisen vuoden venäjän kielen opiskelijaa.

Informanttien miellekarttatehtävään tekemät merkinnät osoittavat, että Venäjän eri osissa tavataan omaleimaisia kielellisiä erikoisuuksia. Informantit merkitsivät karttaan alueita Euroopan puoleisella Venäjällä, mutta erityisesti alueita merkittiin Aasian puoleiselle Venäjälle. Metakielen analyysi tukee edellä esitettyä näkemystä, että kielellisiä erikoisuuksia tavataan eri puolilla Venäjää, mutta poikkeaa karttamerkinnoista siten, että näitä omaleimaisia alueita tavataan erityisesti Euroopan puoleisessa osassa Venäjää. Tarkoituksemme oli myös selvittää, millaisia kielellisiä erikoisuuksia näillä informanttien merkitsemillä alueilla tavataan. Tarkastelemalla näitä kielihavaintoja eri näkökulmista selvisi, että havainnot sisältävät niin foneettisia, kieliopillisia, kuin myös sanastollisia erikoisuuksia. Informanttien havainnot olivat paikoin erittäin tarkkoja ja toisinaan hyvin suuripiirteisiä. Lisäksi oli erittäin mielenkiintoista huomata, että muutamissa informanttien kommenteissa löytyi kieliaineksia venäjän pohjoisista ja eteläisistä murteista. Se, että Venäjän ulkopuolella asuvien venäjänkielisten havainnoissa voidaan löytää murteellisuuksia, mielestäni tukee näkemystä, että murteet ovat ainakin jossain määrin osa nykyvenäjää.

Empiirisen tutkimusaineiston analysointi ei paljastanut pelkästään informanttien kielitietoisuutta, vaan se toi esiin myös tutkimustani koskevia ongelmia. Selvisi, että aineiston keruuseen käyttämäni metodologia sisälsi rakenteellisia ongelmia, jotka ovat saattaneet vaikuttaa informanttien vastauksiin. Kävi ilmi, että esimerkiksi miellekarttatehtävän ohjeistus oli puutteellinen. Työssä kuitenkin esitetään keinoja, joilla vastaavia ongelmia voisi tulevaisuuden tutkimuksissa välttää.

Avainsanat: Kansanlingvistiikka, kansandialektologia, kielitietoisuus, metakieli, maallikko kielenkäyttäjä, sosiolingvistinen kyselytutkimus, mielikuvakartta

Tämän julkaisun alkuperäisyys on tarkastettu Turnitin OriginalityCheck -ohjelmalla

Оглавление

Введение	1
1 Теоретическая основа	5
1.1 Народная лингвистика	5
1.1.1 Краткая история народной лингвистики	5
1.1.2 Русскоязычные, живущие в Финляндии как объект исследования	7
1.2 Народная диалектология	8
1.2.1 «Народ»	9
1.2.2 «Языковое сознание»	11
1.2.3 «Метаязык»	12
1.2.4 Диалект в народной диалектологии	14
1.3 Выводы	14
2 Методология	16
2.1 Методология народной лингвистики	16
2.1.1 Карты восприятий	17
2.1.2 Анкеты	19
2.1.2.1 Типы вопросов	19
2.1.2.2 Преимущества и проблемные зоны анкет	20
2.1.3 Комбинация карт восприятий и анкет	21
2.2 Выводы	22
3 Вариации русского языка	23
3.1 Литературный язык	23
3.2 Просторечие	25
3.3 Территориальные диалекты	27
3.4 Социальные диалекты	29
3.5 Выводы	30
4 Анализ материала	31
4.1 Метод сбора материала	31
4.1.1 Структура социолингвистических анкет	31
4.1.2 Ход сбора материала	33
4.2 Фокус-группа	33
4.2.1 Социальные факторы	33
4.2.2 Связь с теоретическим знанием русского языка	34
4.2.3 Связь с живой русской речью	37
4.2.4 «Народ» в нашем исследовании	39
4.3 «Наивная» лингвистическая география	40
4.3.1 Маркировки на картах	40
4.3.2 Метаязыковые высказывания	51
4.3.3 На чем основываются восприятия?	57
4.4 Проблемные зоны нашего исследования	59
4.5 Выводы	61
Заключение	64
Литература	69
Приложения	73
Приложение 1. Незаполненная карта США	73
Приложение 2. Cowboy Joe's	74
Приложение 3. Valley girl	75
Приложение 4. Социолингвистические анкеты	76
Приложение 5. Информационный листок	86

Введение

Вариации языка – тема, присутствующая в нашей жизни уже с детства. Сошлюсь на свою жизнь. Уже в детстве я заметил, что люди в других регионах Финляндии говорят по-разному, имеют странный для меня темп речи и своеобразное склонение слов. Тогда я просто подумал, что в других регионах Финляндии люди говорят «странно», имеют нестандартные языковые особенности в своей речи, а в моем регионе люди говорят «нейтрально», без местных своеобразных языковых элементов. Только несколько лет назад, переехав из родного города Турку в город Тампере, я заметил, что это не так. Живя в городе Тампере, я постепенно замечал, что в речи людей из моего родного региона, можно встречать языковые элементы, характерные только для людей того региона. На основе этого личного опыта возник мой интерес к более глубокому интересу к варьированию языка.

Этот интерес углубился во время моего пребывания в России (в Твери) по студенческому обмену в 2015-ом году: в нашем общежитии жил некоторое время мужчина из Нижнего Новгорода, который рассказал нам, что в его родном городе люди окают – произносят безударное *о* как [o]. Тогда я заинтересовался вариациями русского языка, и это стало мотивом для бакалаврской работы, в которой я изучал отношение русскоязычных к диалектам русского языка.

В настоящей дипломной работе я продолжу изучение этой темы – варьирование русского языка, но с новой точки зрения. Территориальное варьирование русского языка – тема, изучаемая русской диалектологией уже длительное время: проведены многие исследования, посвященные выяснению местных языковых особенностей в разных регионах России. Подобное исследование проводится также в Финляндии, и появились уже работы, касающиеся языковых особенностей русского языка в речи русскоязычных носителей языка, живущих в Финляндии – «феннороссов» (об изучении «феннороссов» более подробно в разделе 1.1.2). Однако нам пока не удалось найти исследования, концентрирующегося на изучении именно взглядов не-лингвистов о языковых особенностях, встречающихся в разных регионах в России. Таким образом, объектом нашего исследования является этот аспект и конкретная цель настоящей работы – попытка выяснить, каким представляется варьирование русского языка в России в метаязыковом сознании феннороссов.

Актуальность темы определяется частично тем, что взгляды русскоязычных о русском языке с данной точки зрения изучали еще очень мало. Однако язык – не только средство общения, с помощью которого информация передается от одного человека к другому, он также сам принимает влияние от окружающей среды, реагирует на события, происходящие в ней. Поэтому язык находится в постоянном процессе изменения – в нем что-то сохраняется, что-то уходит и что-то приходит. Изучая язык, мы можем лучше понимать процессы, происходящие в обществе. Также исследование восприятий не-лингвистов может открывать новые перспективы, помогающие понимать явления, влияющие на изменение языка (Александров 2014,56). На наш взгляд, это свидетельствует о том, что изучение языка – всегда актуальная тема.

Кроме этого, актуальность темы настоящей работы связана с нашим интересом к варьированию русского языка и вопросам, тесно связанным с ним. Высказывается точка зрения, что диалекты русского языка находятся на ”пороге исчезновения” вследствие социально-демографических измерений (Вендина 2016,425), но, с другой стороны, есть и другое мнение, что они не исчезнут в ближайшем будущем (РД 2013,16). Мы предполагаем, что в восприятиях наших информантов встречаются своеобразные языковые элементы из разных регионов в России и, хотя наше исследование концентрируется на рассмотрении не только русских диалектов, а территориального варьирования русского языка в общем, мы надеемся, что мы сможем представить на основе результатов анализа эмпирического материала свои аргументы в этой дискуссии.

Теоретическую основу нашей работы составляет так называемая народная лингвистика. Это научное направление, объектом изучения которой являются восприятия «наивных» носителей языка о языке – это информанты, не являющиеся профессиональными лингвистами. Важно отметить, что в настоящей работе прилагательный «наивный» используется в значении «непрофессиональный лингвист» без отрицательных коннотаций. Этот термин широко применяется в лингвистических работах. Поскольку объектом данного научного направления являются высказывания о языке непрофессиональных лингвистов, следовательно, лингвисты не являются подходящей исследуемой группой для нашего исследования. Поэтому важно выяснить теоретическое знание наших информантов о русском языке.

В Финляндии и других странах опубликованы статьи и дипломные работы, касающиеся восприятий «наивных» носителей языка. Например, с конца 20-ого века в финских университетах стали популярны такие дипломные исследования; кроме того, появились некоторые диссертации, в которых изучаются восприятия преимущественно «наивных»

носителей финского языка. Также в России вышли многие статьи, касающиеся знания и представления «наивных» носителей языка (см. вторая глава; раздел 2.1). Однако взгляды одного из самых больших языковых меньшинств в Финляндии, русскоязычных, почти не изучены. Элиса Кауппила (1991) в своей дипломной работе выяснила, что носители красносельского говора могут контролировать использование диалектных элементов в своей речи, но систематического народнолингвистического исследования о теоретическом знании русскоязычных, живущих в Финляндии, о русском языке нам не удалось найти.

Для сбора эмпирического материала мы используем метод одного из значительных исследователей в народной лингвистике – карту восприятий Дэнниса Престона и составленные нами социолингвистические анкеты. Информантами для настоящей работы являются русскоязычные студенты первого и второго курса, изучающие русский язык в университете Тампере.

Работа состоит из четырех глав: глав, излагающих теоретическую основу, главы о методологии, глав о вариациях русского языка и главы, анализирующей собранный эмпирический материал. В первой главе мы представим теоретическую основу настоящей работы: краткую историю народной лингвистики, ее подкатегории и объекты исследования. Также мы определим главные для нашего исследования понятия: «народ», «языковое сознание» и «метаязык» и прокомментируем *доступность*, *точность* и *детальность* – аспекты, с помощью которых будем анализировать метаязыковые высказывания. В главе методологии мы представим методы народной лингвистики и рассмотрим более детально карту восприятий и социолингвистические анкеты, а также использование их комбинации в народнолингвистическом исследовании. В главе о вариациях русского языка мы рассмотрим подсистемы русского языка и их особенности. В главе, представляющей анализ материала, мы охарактеризуем структуру социолингвистических анкет и ход сбора материала, а также изучим социальные аспекты в анкетах, заполненных информантами, их теоретические знания о русском языке и проанализируем маркировки информантов на картах и метаязыковые высказывания с точек зрения, представленных выше.

Главными источниками для теоретической основы настоящей работы являются научные работы Д. Престона, в частности: *Perceptual dialectology: Nonlinguists' views of areal linguistics* (Preston 1989), *What's old and what's new in perceptual dialectology* (Preston 2018a) и *Handbook of perceptual dialectology: Volume 1* (Ed. by Dennis R. Preston 1999a), научные работы А. Миеликяйнен и М. Паландер, а именно *Miten suomalaiset puhuvat murteista? Kansanlingvistinen tutkimus metakielestä* (Mielikäinen ja Palander 2014). Центральными источниками для

методологии настоящей работы являются статье Э. Шлифа (Schleef) *Written surveys and questionnaires in sociolinguistics* (Schleef 2014) и книга *Folk linguistics* (Niedzielski and Preston 2003). Главным источником для выяснения вариаций русского языка является работа Л. П. Крысина *Формы существования (подсистемы) русского национального языка* (Крысин 2003).

1 Теоретическая основа

В настоящей главе рассматривается теоретическая основа данной работы, которой является народная лингвистика. Глава состоит из двух разделов: *народная лингвистика* и *народная диалектология*. В разделе *народная лингвистика* представляется в ее подразделах краткая история данной отрасли науки и ее научные направления, а также кратко говорится о народно-лингвистическом исследовании в Финляндии. В разделе *народная диалектология* рассматриваются объекты народной диалектологии с помощью главных для настоящей работы понятий – «народ», «языковое сознание» и «метаязык». На основе такого рассмотрения мы постараемся ответить на вопросы: 1. кого (какие группы людей) изучает народная диалектология, и 2. что изучает народная диалектология. Также мы рассмотрим, что понимается под диалектом в народной диалектологии и чем это понятие отличается от аналога в академической диалектологии как науке.

1.1 Народная лингвистика

1.1.1 Краткая история народной лингвистики

Народная лингвистика¹ относительно молодая отрасль науки, изучающая восприятия «наивных» носителей языка о функционировании как языка в целом, так и отдельных его частей или аспектов. Ее корни ведут в 19 век, но более систематическое исследование началось в первой половине 20 века в Нидерландах, когда голландский диалектолог А. Вейнен (Wejnen) начал в 40-ых годах изучать результаты голландского диалектологического опроса². (Preston 2018a, 16; Preston 1999b, xxv-xxvi; Preston 1989, 2.) Из Нидерландов народная лингвистика распространилась в Японию в 50-ых годах (Palander 2001, 148). Тогда японская исследовательская группа начала изучать «диалектное сознание» ('dialect consciousness' – восприятия о вариациях языка) не-лингвистов, преимущественно мужчин старше шестидесяти лет (Sibata 1999, 40). В США ценность изучения восприятия говорящих о своем языке признал

¹ Наряду с понятием «народная лингвистика» используется иногда понятие "language regard". В статье Престона (Preston 2018a, 17) автор комментирует в сноске, что он предпочитает вместо *народной лингвистики* термин "language regard", потому что слово «народ» (*folk*) часто интерпретируется разносторонне. Понятия «народная лингвистика» мы считаем более оправданным – во всех источниках настоящей работы используется, как правило, понятие «народная лингвистика». Поэтому в настоящей работе используется данный вариант (народная лингвистика).

² В конце 30-ых годов 20в. в Нидерландах проводилось исследование, в котором выяснили с помощью анкет, территориально-географические границы диалектов голландского языка. В анкетах информантов спрашивали, где говорят на том же или таком же диалекте, и где говорят точно на другом диалекте и чем он отличается. (Rensink 1999, 3; Preston 1999b, xxv-xxvi; Palander 2001, 147.)

Хенингсвальд (Hoeningswald) в 1960-ых, который поддержал исследование восприятий «наивных» носителей не только о вариациях языка, но и о языке в общем (Головко 2014, 9; Preston 1989, 4). Однако данное направление исследования на твердую научную основу поставил Дэннис Престон (Dennis Preston) только в 1980-ых годах (Mielikäinen ja Palander 2014, 17). Сегодня исследования в области народной лингвистики распространились широко. Народнолингвистическое исследование производится кроме Японии, Нидерландов и США, например, в Швейцарии. Канаде и России (Long and Preston 2002; Nupponen 2011, 3).

Первые народнолингвистические исследования концентрировались на изучении восприятий людей о диалектах, но круг интересов ученых расширился до изучения более широкого восприятия людей о языке (Mielikäinen ja Palander 2014, 17). Данные новые аспекты представлены в статье Престона (См. таблицу 1), разделяющих их на три подкатегории: народная диалектология (folk dialectology), социальная психология языка (social psychology of language) и восприятие речи (speech perception). Народная диалектология изучает на основе восприятий и высказываний информантов географическую вариацию языка, а также социальные факторы (пол, раса, место проживания, религия и т. д.), формирующие лингвистические границы. Социальная психология языка изучает языковые отношения людей к вариациям языка. (Preston 2018a, 17-30.) Восприятие речи или социофонетическое исследование, изучают с помощью методов фонетики, в том числе исследуют, в частности, такой вопрос: какие фонетические черты связывают говорящего с определенной социальной группой (Preston 2018a, 30-33; Mielikäinen ja Palander 2014, 18). Престон отмечает, что границы между подкатегориями, представленные выше, являются подвижными, а это значит, что народнолингвистическое исследование неизбежно касается одновременно нескольких подкатегорий (Preston 2018a, 17).

Таблица 1. **Народная лингвистика и ее подкатегории**

Народная лингвистика			
Народная диалектология		Социальная психология языка	Восприятие речи
Территориальная	Социальная	Языковые отношения	Вариация

(Preston 2018a, 17)

1.1.2 Русскоязычные, живущие в Финляндии как объект исследования

В книге *Феннороссы: жизнь и употребления языка* (Протасова 2004) представляет обзор исследований, касающихся русскоязычных, живущих в Финляндии. В главе «Исследования языка и культуры русских в Финляндии» (Протасова 2004, 77-82) упоминаются работы других авторов, изучающих язык русских Финляндии – феннороссов, с разных точек зрения.

Появились сборники, включающиеся в себя статьи, в которых изучают языковые особенности в речи феннороссов и дипломные работы, изучающие, например, лексические заимствования, произношение и топонимические названия в Финляндии. Упоминаются также работы, посвященные изучению изменения языка русскоязычных учеников в Финляндии. (Протасова 2004, 77-81.) Кроме этого, в книге Протасова (Протасова 2004, 200-233) рассматривает влияние финского языка на устную и письменную речи феннороссов и анализирует эти особенности.

В Финляндии народнолингвистическое исследование началось в 90-ых годах прошлого века университетами Йоенсуу (Joensuu, сейчас Университет восточной Финляндии) и Ювяскюля (Jyväskylä). Тогда появились студенческие работы, изучающие метаязыковые знания и сознание не-лингвистов. Позже подобные исследования распространились и в другие университеты Финляндии, и в настоящее время написаны многие дипломные работы, в том числе две диссертации (см. список литературы), рассматривающие восприятия не-лингвистов о языке. (Mielikäinen ja Palander 2014, 19-20; Nurpponen 2011, 5.)

Предметом изучения в финских исследованиях часто являются восприятия финнов о своем родном языке, но есть также исследования, изучающие восприятия людей, не говорящих на финском языке как родном. Например, Кюллёнен-Сара-ахо (Kyllönen-Sara-aho 2017) в своей дипломной работе изучает восприятие иммигрантов о северно-карельском диалекте финского языка. Также в своей дипломной работе Миккола (Mikkola 2011) изучает языковые отношения гимназистов к диалектам финского языка в городе Хельсинки, среди которых – гимназисты, не говорящие на финском как родном языке. Однако в подобных (народнолингвистических) исследованиях восприятия о языке среди языковых меньшинств в Финляндии, по крайней мере русскоязычных, мало изучены. Пока нам не удалось найти народнолингвистического исследования, изучающего восприятия феннороссов о русском

языке¹. Однако работы, касающиеся финно-угров говорят о том, что народная лингвистика может раскрывать интересную информацию о знании говорящими представлений русском языке.

Например, дипломная работа Элиса Каурпила (Kauppi 1991) представляет интересную для народной лингвистики информацию. Хотя в работе рассматривается речь носителей карельского говора с диалектологической точки зрения, автор отмечает, что носители сознают особенности своего диалекта и могут довольно хорошо при желании избегать его использования (Kauppi 1991, 15). Это свидетельствует о том, что носители карельского говора способны выражать то или иное языковое явление диалектно или формально, то есть они имеют понимание о языковых особенностях своего говора и «стандартного» или «нейтрального» эквивалента. Другой пример представляется в книге Протасовой, в которой информанту, интервьюированному ей, задали вопрос: "Когда Вы приезжаете в Россию, никто не говорит, что у Вас не настоящий русский язык?". На этот вопрос он ответил: "Но в России столько разных диалектов, столько людей, живущих в разных, разных областях, столько говоров...". (Протасова 2004, 257.) Для нас в ответе есть два интересного пункта. Во-первых, информант использовал два диалектологических понятия – «диалект» и «говор». Возникают интересные вопросы: как он сам определяет эти понятия и как они соотносятся с лингвистическими вариантами? Во-вторых, информант ответил, что в России не говорят везде одинаково. Возникает вопрос: в каких местах России русский язык варьируется и как?

Этот второй пункт является отправной точкой настоящей работы и цель работы – выяснить, где русский язык варьируется в России и какие языковые особенности в нем встречаются. Таким образом, настоящая работа относится к «традиционной» подкатегории народной лингвистики – территориальной народной диалектологии, которую мы рассмотрим в дальнейшем.

1.2 Народная диалектология

В данном разделе рассматривается народная диалектология (*folk dialectology, perceptual dialectology*). Во-первых, мы определим ведущие для настоящей работы понятия – «народ», «языковое сознание» и «метаязык», с помощью которых ответим на вопросы:

1. кого изучает народная диалектология?

¹Однако это, конечно, не значит, что народнолингвистических исследований среди финно-угров не было фактически проведено. Поэтому мы просим прощения у авторов, не упомянутых в настоящей работе.

2. что изучает народная диалектология?

Во-вторых, мы рассмотрим, что означает «диалект» в названии народной диалектологии. Методологию народной диалектологии (и лингвистики) мы рассмотрим в следующей главе.

1.2.1 «Народ»

Объект народной лингвистики – люди, являющиеся «обычными говорящими» – не лингвистами и не получившими лингвистическое обучение в области интереса исследования (Mielikäinen ja Palander 2014, 11; Nupponen 2011, 1; Niedzielski and Preston 2003, VIII). Престон (Preston 2018b, 376) уточняет данное определение и пишет, что в контексте народной лингвистики понятие «народ» (*folk*) означает не (только) необразованных людей сельской местности, но также в центре интереса исследования выступают точно так же профессионалы в той или иной специальной отрасли: например, как коммерческие директора, так и нейрохирурги и т.д. Другими словами, народная диалектология изучает всех людей, вне зависимости от социальных факторов (место проживания, пол, возраст и т.д.), до тех пор, пока они не становятся профессиональными лингвистами.

Однако тогда возникает вопрос, как определяется «профессиональный лингвист», т. е. где находится граница между лингвистом и не-лингвистом? Вопрос не прост, потому что не-лингвистом не считаются только те, у кого совсем отсутствуют научно-лингвистические знания. Престон (Preston 2018b, 376) пишет, что проникновение научно-лингвистической информации в языковое сознание информанта не делает его лингвистом. Таким образом, человек может, например, читать лингвистическую статью без потери статуса «наивного».

Даже лингвистическое обучение не означает категорически, что человек профессионально владеет лингвистическими знаниями. В финских учебных заведениях, таких как средняя школа и гимназия, ученики изучают вариации финского языка: в соответствии с учебным планом Управления учебными заведениями¹ (opintopolku, www)² в средней школе школьники возрастных групп 7-9 классов учат вариации и развитие финского языка. Гимназисты изучают, согласно учебному плану (lukiolaki 714/2018 § 11), родной (финский) язык и литературу, в курсах которых обращается внимание на вариации финского языка. Несмотря на это, ученики и гимназисты являются информантами в народнолингвистическом

¹ Управление учебными заведениями = Opetushallitus.

² Opintopolku.fi – веб-страница, поддерживаемая Управлением учебными заведениями. В ней находятся, в том числе, учебные планы финских школ.

исследовании. Нуппонен в своей диссертации отмечает, что восприятия «наивного» носителя языка могут базироваться на школьных знаниях (Nurpponen 2011, 8)¹. Например, в дипломных работах Хаарамо (Haaramo 2015) и Леандер (Leander 2008) изучаются восприятия и языковые отношения учеников средней школы², а также в диссертации Вааттовара (Vaattovaara 2009) изучаются языковые восприятия гимназистов.

Кажется, что граница между лингвистом и не-лингвистом проходит уже на университетском уровне, на лингвистических курсах в университете. В дипломной работе Леандер (Leander 2008, 7) профессионалом считается человек, получивший лингвистическое обучение в высшем учебном заведении. В дипломной работе Хаарамо (Haaramo 2015, 9) трактовка термина «лингвист» в рассматриваемой теме отличается от предложенной в работе Леандер: профессионалами считаются люди, получившие лингвистическое обучение по финскому языку, но студенты по другому языку (в данном случае шведскому) считаются подходящими для народнолингвистического исследования. В диссертации Нуппонен одним из критериев для отбора информантов явилось то, что информант не прошел лингвистического обучения в университете. Однако при исследовании оказалось, что двое из участников изучали языки в университете, но их ответы не отличались от ответов «наивных» носителей. (Nurpponen 2011, 7-8.) В университете Йоенсуу изучались знания студентов специальности «финский язык» о диалектах в курсе диалектологии финского языка, и результаты исследования поддерживают взгляд, что, по крайней мере, университетских студентов первых лет обучения еще можно считать «наивными» информантами (Nurpponen 2011, 8; Palander ja Nurpponen 2005, 42-45)³.

Как представлено выше, действительно граница между лингвистом и не-лингвистом является шаткой. Исследования, изложенные выше, показывают, что лингвистическое

¹ В диссертации Нуппонен (Nurpponen 2011, 8) представляется, что диалекты финского языка не являются предметом изучения в гимназии, но во время учебы автора настоящей работы в гимназии (2006-2010 гг.), использовался учебник, представляющий территориальное членение диалектов финского языка и различие между диалектами (Mikkola ут. 2005, 69-75). Таким образом, можно допустить (предположить), что финские диалекты изучались на занятиях в гимназиях (лицеях) или ученики в указанные годы могли самостоятельно интересоваться финскими диалектами.

² В дипломной работе Леандер (Leander 2008, 7) информантами являются школьники 6-ого класса и люди старше 50 лет. В дипломной работе Хаарамо (Haaramo 2015, 9-10) информантами являются школьники 8-9-ого класса и взрослые 21-25 лет.

³ В 2004 и 2005 гг. в университете Йоенсуу ученые провели исследование, в котором изучали, как хорошо студенты узнают (опознают) диалекты. В начале курса по диалектам финского языка студентам проигрывали диалектные аудиозаписи. Задание студентам - маркировать на карте, где сделана (в каком месте) очередная аудиозапись. Студенты распознали диалекты не очень хорошо: средняя величина правильных ответов 1,7 из 9,0 (если все ответы были бы правильными). Ученые провели исследование снова в конце данного курса. Тогда средняя величина правильных ответов была 2,0. (Palander ja Nurpponen 2005, 42-43.)

обучение не влияет, так сильно на восприятия информантов университетских студентов первых лет обучения, чтобы их можно было считать лингвистами. Конечно, это не значит, что в университете исключительно все студенты первых лет «наивные» информанты – среди них могут быть люди, которые можно отнести к категории «лингвистов». На основе данного утверждения можно прийти к выводу, что слишком строгая трактовка понятия «лингвист» может значить потерю ценной информации. Поэтому, на наш взгляд, более важно разделение потенциальных информантов на «лингвистов» и «не-лингвистов» при исследовании можно выяснить лингвистическое знание информанта только в соотнесении его ответов. В данной работе под термином «народ» имеются в виду информанты, участвовавшие в народнолингвистическом исследовании, представленном в аналитической главе.

1.2.2 «Языковое сознание»

Под «языковым сознанием» понимаются представления, восприятия и высказывания людей о языке (Mielikäinen ja Palander 2014, 17-18; Preston 2018b, 375). Восприятие (perception) понимается на двух уровнях – микролингвистическом (microlinguistic) и макролингвистическом (macrolinguistic). Микролингвистический уровень касается языковых элементов. С данной точки зрения можно изучать, например, языковые элементы, образующие вариации языка или дифференциацию языковых элементов друг от друга. (Preston 1989, 2.) Хороший пример данного аспекта представляет японское исследование, в котором изучалось, как произношение определенного гласного влияет на узнавание диалекта (Yonezawa 2002). Макролингвистический уровень содержит, в том числе географическую классификацию вариаций и отношение говорящих к вариациям языка (Preston 1989, 2). Примером данного аспекта является, например, работа Престона *Perceptual dialectology: Nonlinguists' views of areal linguistics* (Preston 1989). Сравнивая данную классификацию Престона с таблицей, представляющей подкатегории народной лингвистики (см. раздел 1.1.1), мы можем предположить, что народная диалектология и социальная психология рассматривают восприятие с макролингвистического уровня, а восприятие речи – с микролингвистического уровня.

Кроме вышеизложенных аспектов, Престон выделяет еще четыре позиции, с помощью которых можно изучать восприятия «наивных» информантов. Первый аспект рассматривает, какие языковые явления проникают в языковое сознание «наивных» носителей (*availability*, 'доступность'). Второй аспект рассматривает точность восприятий «наивных» информантов с результатами научного исследования (*accuracy*, 'точность'). Третий аспект рассматривает

детальность восприятий: являются они детальными или неспецифическими (*detail* 'детальность', 'деталь'). В статье Престона (Preston 2018b, 376) неспецифическое восприятие называется также «глобальным» или «расплывчатым» ("global, vague"), и в ней представлен пример, в котором один из информантов упоминает, что его родственники имеют акцент, но он не может никак характеризовать данный акцент. Четвертый аспект рассматривает, как информант владеет опознанным им языковым явлением и как он умеет его имитировать (*control*, 'регулирование', 'управление', 'способность имитировать'¹). (Preston 1999c, 360; Mielikäinen 2005, 98; Mielikäinen ja Palander 2014, 18; Vaattovaara 2009, 31-32.)

Итак, выше были представлены аспекты, с помощью которых изучают языковое сознание – восприятия «наивных» носителей о языке. Релевантными для настоящей работы аспектами являются:

1. *доступность*, потому что цель данного исследования – изучать, какие языковые элементы проникают в языковое сознание информантов.
2. *точность*, потому что данная точка зрения позволит нам рассмотреть не только обширность знания информантов об определенном языковом явлении, но и подтвердить «наивность» (уровень профессиональности) информанта.
3. *детальность*, потому что данный аспект позволит нам исследовать, как детально информанты могут квалифицировать вариации языка.

Кроме данных трех исследовательских точек зрения мы рассмотрим восприятия информантов, исследуемых в настоящей работе, с микро- и макролингвистического уровней, потому что такой подход позволит нам изучать, с одной стороны языковые элементы, распознанные информантами, а с другой стороны, *где* вариации языка встречаются. Также мы считаем, что изучение результатов эмпирического материала осталось бы несовершенным без обоих аспектов (см. глава 2, раздел Карты восприятий). В аналитической главе мы рассмотрим эти микро- и макролингвистический уровни в разделе «наивная» лингвистическая география².

1.2.3 «Метаязык»

¹ Вааттоваара (Vaattovaara 2009, 32) переводит *control* "imitointikyky" – 'способность имитировать'. В статье Миелikäйнен (Mielikäinen 2005, 98) он переводится как "hallinta" 'регулирование', 'управление', но в исследовании Миелikäйнен и Паландер *control* переведено как "hallinta, imitointikyky" 'регулирование, управление', 'способность имитировать' (Mielikäinen ja Palander 2014, 18).

² Лингвистическая география – раздел языкознания, изучающий территориальное распространение языковых явлений (РЯЭ 1997, 220). В настоящей работе под термином «наивная» лингвистическая география имеется в виду территориальное распространение языковых элементов на основе восприятий наших информантов.

Язык – коммуникативная система, которая может быть использована для описания себя. Говорящие могут использовать письменную или устную форму языка, чтобы описывать какой-либо аспект языка, например, структурные языковые элементы, такие как грамматические структуры, разные стили языка и сравнение одного языка с другим. (Jaworski et al. 2004, 3.) Другими словами, имеются в виду языковые высказывания, которыми язык описывается. Данные высказывания называются «метаязыком».

В народной лингвистике выделяют разное количество уровней метаязыковых высказываний. В исследовании Миеликяйнен и Паландер метаязык разделяется на два уровня: метаязык первого уровня (*Metalanguage 1*) обращается к языку и языковым явлениям. Метаязык второго уровня (*Metalanguage 2*) обращается к нелингвистическим свойствам, в частности – к языковым отношениям. (Mielikäinen ja Palander 2014, 26.) В работах Престона представлено два варианта классификации уровней. Первый вариант представляет метаязыковые уровни, как Миеликяйнен и Паландер представляют выше (Niedzielski and Preston 2003, 302-313). Во втором варианте Престон выделяет еще третий уровень (*Metalanguage 3*), включающий в себя высказывания, в которых речь идет о языке, но тема высказываний не имеет отношения к языковым явлениям или отношениям, например, *Игорь сказал, что ему хочется есть* или *Я не понимаю, что он говорит* (примеры наши. – Й.Л.) (Preston 2004, 85-86).

Данные системы метаязыковых уровней не совпадают полностью друг с другом. Как отмечает Ниина Куннас (Kunnas 2015, 605-606), в статье Престона метаязыковые уровни представляются так, что метаязык-1 обращается к языку и языковым явлениям (как и в исследовании Миеликяйнен и Паландер), но метаязык-2¹ включает в себя неязыковые темы, а метаязык-3 содержит языковые отношения «наивного» информанта (данный уровень представляется в исследовании Миеликяйнен и Паландер как второй уровень) (Preston 2004, 75-94).

Кажется, что в народнолингвистическом исследовании оба варианта используется. Как было представлено выше, в исследовании Миеликяйнен и Паландер используется первый вариант, но Куннас в своей статье использует второй вариант метаязыковых уровней Престона (Kunnas 2018, 127). В статье Престона (Preston 2004, 86) пишется, что второй метаязыковый

¹ Данный уровень Миеликяйнен и Паландер отмечают в сноске, но в основную классификацию он не включается (Mielikäinen ja Palander 2014, 26).

уровень (отсутствующий в первом варианте) не входит в интерес народной лингвистики. Поэтому в настоящей работе используется первый вариант метаязыковых уровней.

В настоящей работе мы придерживаемся понимания метаязыковой системы, используемой Миелкияйнен и Паландер. Таким образом, в данной работе метаязык разделяется на два уровня, из которых первый уровень содержит метаязыковые высказывания о языке и языковых явлениях.

1.2.4 Диалект в народной диалектологии

Народная диалектология изучает восприятия «наивных» информантов о диалекте (Palander 2001, 147; Nupponen 2011, 1; Mielikäinen ja Palander 2002, 90). Однако в данном контексте «диалект» можно понимать разнообразно. В одних народнолингвистических исследованиях изучают, например, какие диалектные черты наивные воспринимают в диалектах (например, Nupponen 2011), или отличают ли не-лингвисты диалекты друг от друга или от стандартной формы языка (например, Krause et al. 2006). В других исследованиях изучают, в том числе с помощью карт восприятий, территориальное варьирование языка на основе маркировок «наивных» носителей (например, Preston 1989; L'Eplattenier-Saugy 2002). Следовательно, в данных исследованиях под диалектами имеются в виду или языковая форма, определенная лингвистами, или языковая конструкция, сконструированная не-лингвистами.

В настоящей работе оба аспекта релевантны, потому что с помощью данных аспектов можно изучать, с одной стороны, знание русскоязычных, живущих в Финляндии, о вариациях русского языка, а с другой стороны, их представления, как русский язык варьируется.

1.3 Выводы

Выше мы рассмотрели теоретическую основу данной работы: народную лингвистику и ее подкатегорию – народную диалектологию. Рассмотрение показало, что народная диалектология – отрасль науки, изучающая восприятия информантов-непрофессиональных лингвистов, касающиеся языка. Мы также рассмотрели, что в Финляндии проведены многие подобные исследования о восприятии не-лингвистов, но восприятия русскоязычных о своем родном языке мало изучены. В разделе народной диалектологии мы рассмотрели (с помощью определения главных для данной работы понятий – «народ» или «наивный», «языковое сознание» и «метаязык») такой аспект: народная диалектология изучает восприятия не-

лингвистов о диалектах. Также мы выяснили, *что* под диалектом имеется в виду в народной диалектологии.

Как было представлено в данной главе, в настоящей работе рассматривается русский язык в языковом сознании русскоязычных, живущих в Финляндии. Русский язык рассматривается на теоретической основе первого метаязыкового уровня, то есть с привлечением аспектов *доступности, точности и детальности* с микро- и макролингвистической точек зрения.

2 Методология

В этой главе рассматривается методология нашего исследования. Глава состоит из раздела «методология народной лингвистики» и его подразделов «карты восприятий», «анкеты» и «комбинация карты восприятий и анкеты». В разделе «методология народной лингвистики» мы представим краткий взгляд на методы народной лингвистики. Мы рассмотрим также кратко прямые и непрямые подходы, на которые методы народной лингвистики подразделяются. В подразделе «карты восприятий» и «анкеты» мы рассмотрим более детально использованные в настоящей работе методы. В подразделе «комбинация карты восприятий и анкеты» мы кратко рассмотрим использование этих двух методов в народнодиалектологическом исследовании.

2.1 Методология народной лингвистики

Исследовательскими методами в народной лингвистике являются, в том числе 1. аудирование, 2. анкетирование, 3. интервью и 4. карты восприятий (Mielikäinen ja Palander 2002, 91; Räsänen ja Palander 2015, 4-5), с помощью которых изучаются разные ее аспекты. В народной лингвистике с помощью слушания (Например, Kerswill and Williams 2002; Yonezawa 2002) изучают, например, опознание территориальной вариации языка, с помощью интервью – языковое сознание и языковые отношения (языковое сознание, см., например, Бондаренко 2017; языковое отношение, см., например, Лопухина 2014). С помощью карты восприятий можно изучать, в частности, диалектные границы. (Например, Preston 1989).

Данные методы можно разделить на *прямые* и *непрямые* подходы. Методы прямого подхода (direct approach) используют вопросы, в которых просят прямо сказать о восприятии или спрашивают мнение информанта о том, что исследователь хочет узнать, например, что информант считает диалектом. Используя методы непрямого подхода (indirect approach), ученые могут не задавать прямых вопросов о том, что исследователь хочет узнать. Также при получении данных методами непрямого подхода информант не всегда знает, какие из данных им ответов служат для изучения его восприятия о языке. (Kunnas 2015, 605; Coupland and Bishop 2007, 75.) Например, при тесте имитирования исследователь может попросить информанта симитировать какой-то диалект, но информант не обязательно знает, что именно в его имитировании изучается. Методами прямого подхода считаются, в том числе, анкеты и

карты восприятий, а методами непрямого подхода – тесты слушания и имитирования¹. (Kunnas 2015, 605; Garrett et al. 2006, 25.)

В настоящей работе для сбора аналитического материала мы использовали методы прямого подхода – карту восприятий и анкеты, которые мы рассмотрим в дальнейшем более детально.

2.1.1 Карты восприятий

Карты восприятий² – метод, перенесенный в народную лингвистику из культурной географии³ (Preston 2018a, 21; Mielikäinen ja Palander 2014, 21; Montgomery and Beal 2011, 128). В культурной географии ученые изучали с помощью карт, например, восприятия жителей о своем окружении (Gould and White 1974, 28). Престон применял данный метод в народной лингвистике при изучении восприятий не-лингвистов о диалектных границах в США (Mielikäinen ja Palander 2014, 21). В своем исследовании в гавайском университете Престон попросил студентов маркировать на карте США зоны, где, по их мнению, находятся диалектные границы и назвать сформированные ими территории. В первой попытке карты содержали только маркировки государственных границ, но при отсутствии других маркировок исследователю не удалось достичь своей цели⁴ (Preston 1993, 335; Niedzielski and Preston 2003, 46). Во второй раз Престон добавил на карту границы штатов (см. приложение 1), и результаты данного исследования представлены, в том числе, в работах *Folk linguistics* (Niedzielski and Preston 2003) и в статье *Folk linguistics* (Preston 1993), в книге *Perceptual dialectology: Nonlinguists' views of areal linguistics* (Preston 1989).

Престон пишет (Preston 1993, 335), что самое прямое средство для выяснения восприятия «наивных» носителей о диалектных территориях – использование карты восприятий, но данный метод не избежал критики. Некоторые ученые критикуют и характеризуют метод карты восприятий как «элементарный» (Kunnas 2015, 605; Coupland and

¹ Под тестами имитирования имеются в виду тип теста, в котором выясняется владение информанта языком или определенной вариацией языка. (о подобном исследовании, см. например, Palander and Riionheimo 2018).

² Карта восприятий имеет разные названия: *mental mapping* 'ментальное картирование' (Vaattovaara 2009, 33), *mielikuvakartta* 'карта представления' (Palander 2001, 148), *murrekarttatehtävä* 'задание диалектной карты' (Kunnas 2015, 605), нарисованная рукой карта ('*hand-drawn map*') (Montgomery and Beal 2011, 128), а также *perceptual map* 'карта восприятий' (Garrett et al. 2006, 111).

³ Миеликяйнен и Паландер используют также термин *humanistinen maantiede* 'гуманитарная география' (Mielikäinen ja Palander 2014, 21).

⁴ Кажется, что студенты не смогли воспринять диалектные границы без более детальных маркировок. Нидзильски и Престон пишут, что карты с обозначенными государственными границами смутили студентов так, что в дальнейшем на карты нужно было добавить границы штатов для ориентирования (Niedzielski and Preston 2003, 46).

Bishop 2007, 75). Мы разделяем взгляд Престона, что данный метод хорош для изучения диалектных границ, но мы также разделяем критическое отношение к нему (к методу), потому что он имеет некоторые недостатки с исследовательской точки зрения для настоящей работы.

Результаты исследования Престона показывают, что с помощью подобных карт можно получить интересную для народной лингвистики информацию, но для релевантной и надежной для настоящей работы исследовательской базы данную информацию трудно трактовать без использования других методов вместе с картами восприятий. Например, в одной из карт Престона один информант из штата Мичиган обвел кружком некоторые штаты и назвал их "cowboy Joe's" (см. приложение 2). Тот же информант назвал штат Калифорнии "Snobs". Данные названия, написанные информантом, не представляют релевантной информации об используемом на данных территориях языке, а просто свидетельствует об ассоциативных связях, существующих в голове информанта и связанным каким-либо образом с той или иной территорией.

Другая проблема в том, что без объяснения упомянутым информантом данных понятий «cowboy Joe's» и «Snobs» – совершенно невозможно знать, что он на самом деле имел в виду. Вааттоваара пишет, что «наивные» носители говорят о тех же языковых явлениях, что и лингвисты, но они говорят о них по-другому. «Наивные» носители могут даже использовать понятия, встречающиеся в научном языке, но их содержание может отличаться от научного (Vaattovaara 2009, 32.) Другие авторы также отмечают, что понятия между «наивными» носителями не интерпретируются одинаково, единообразно (Fought 2002, 123; Palander 2015, 34). Таким образом, подобные названия, использованные информантом из Мичигана, могут указать на определенную вариацию языка, но его точное содержание без дополнительной информации останется неизвестным. Поэтому нам нужно использовать вместе с картой восприятий другие методы, чтобы выяснить, что информанты имеют в виду под сделанными ими на карте маркировками.

Еще один недостаток карт восприятий в том, что они не раскрывают, на чем основываются восприятия информантов. В области культурной географии ученые Гулд и Уайт (Gould and White) в книге *Mental maps* (Gould and White 1974) обращают внимание на то, что представления о разных местах основываются на усвоении информации, полученной из личного опыта, разных форм медиа, обсуждения с людьми и даже реклам (Gould and White 1974, 19). Предположительно, восприятие «наивного» носителя о вариациях языка является результатом подобного процесса. В работе *Folk linguistics* представлена другая карта (см. приложение 3), в которой информант обвел кружком центральную часть Калифорнии и назвал

ее "Valley girl"¹ (Niedzielski and Preston 2003, 58). «Valley girl» – термин, который сделал известным в США Фрэнк Заппа (Frank Zappa) с одноименной песней, а также данный термин представляется в некоторых популярных американских фильмах (Fought 2002, 113). Таким образом, восприятие информанта, использовавшего на карте термин «Valley girl», может основываться на информации, полученной не из личного опыта, но из массовой культуры. Также Исомёттёнен выяснила в своей дипломной работе, что у некоторых информантов восприятия о диалектах основываются на учебниках и обучении в школе (Isomöttönen 2008, 52). На данный аспект важно обратить внимание, потому что с помощью его мы можем выяснить факторы, влияющие на языковое сознание и/или формирующие его, а также проверить «наивность» информанта (например, если все восприятия информанта базируются на школьном обучении, можем ли мы считать его в таком случае «наивным» носителем?).

2.1.2 Анкеты

2.1.2.1 Типы вопросов

Э. Шлиф (Schleef) полагает, что в анкетах используется два основных типа вопроса, первый из которых – закрытые вопросы. Закрытые вопросы включают в себя определенное количество ответов, из которых информант выбирает подходящий/е ему ответ/ы. В своей статье Шлиф представляет некоторые типы закрытых вопросов, часто используемых в социалингвистике: контрольный список (*'checklist'*), ранжирование (*'ranking'*), шкала оценок (*'rating scale'*), вопросы семантической дифференциации (*'semantic differentiation questions'*), вопросы типа правильно-неправильно (*'true-false questions'*) (Schleef 2014, 45-47). Из вышеизложенных типов закрытых вопросов мы использовали в наших анкетах тип контрольного списка. В контрольном списке представляются ответы, из которых информант выбирает ему подходящий/е ответ/ы (Schleef 2014, 45).

Второй основной тип вопросов – открытые вопросы. Открытые вопросы содержат не готовые ответы, а пустую строку, на которой информант пишет свой ответ. Шлиф выделяет три типа открытых вопросов: специфический открытый вопрос (*'specific open-ended question'*), уточняющие вопросы (*'questions of clarification'*) и вопросы краткого ответа (*'short-answer questions'*). Шлиф включает в открытые вопросы также задание, в котором информант продолжает предложение (*'sentence completion'*). (Schleef 2014, 49.)

¹ "Valley girl" (также "valleyspeak" или "valspeak") – популярный термин в 1980-ые годы, указывающий на речь женщин среднего сословия в южной Калифорнии (ADoVoE 2014, 328).

Из вышеизложенных типов открытых вопросов мы использовали в настоящих анкетах все три типа, кроме задания продолжения предложения. Специфический открытый вопрос стремится выяснить точную фактическую информацию (Schleef 2014, 49). Например, пустая строка, следующая за вопросом места проживания, на которой информант пишет свой ответ. Уточняющий вопрос предлагает информанту уточнить свой выбор в закрытом вопросе (Schleef 2014, 49). Например, в наших анкетах мы спросили закрытым вопросом информантов, на чем основываются их восприятия (вариантами были *личный опыт*, *общее представление* и *другое*), за которым следовал уточняющий вопрос, в котором мы просили информантов уточнить свой выбор. Вопрос был написан в форме *расскажите немного конкретнее о вашем выборе*, за которым следовали пустые строки, в которых информанты писали ответ (см. приложение 4). Вопросы краткого ответа предлагают информанту ответить на одну идею или термин (Schleef 2014, 49.). Например, в анкете Леандер (Leander 2008, 81) один из вопросов вопросом был: что такое, по-вашему, диалект? ("Mitä mielestäsi on murre?").

Кроме вышеизложенных основных типов вопросов, Шлиф выделяет еще третий тип – полузакрытый вопрос. Полузакрытый вопрос похож на закрытый и соответственно содержит готовые ответы, из которых информант выбирает подходящие варианты. Но разница в том, что полузакрытые вопросы содержат также пустую строку, в которую информант может вписать свой ответ. (Schleef 2014, 48.)

2.1.2.2 Преимущества и проблемные зоны анкет

Анкеты имеют некоторые научные преимущества в сравнении, например, с интервью. Такими можно считать возможность собирать материал у многих информантов одновременно и быстро. (Mielikäinen ja Palander 2014, 22; Garret et al. 2006, 31; Schleef 2014, 43.) Преимуществом является также то, что анкеты для всех участников одинаковые, и исследователь мало участвует в процесс сбора информации. Таким образом, он влияет мало на то, что информанты отвечают на вопросы. Также преимуществом анкет считается их анонимность, которая способствует выражению «настоящих» мнений¹. (Garrett et al. 2006, 34.)

Анкеты имеют некоторые минусы в сравнении с интервью. Например, при использовании анкет информантов заставляют чаще отвечать на вопросы. Недостатком анкет

¹ Одна из проблем прямого подхода – информанты склонны давать ответы, соответствующие общепринятым общественным ценностям, когда речь идет о вопросах, касающихся мнений о социально деликатных вопросах (например, вопросы, касающиеся расы или религии) (Garrett et al. 2006, 27, 28).

является также то, что исследователь не имеет возможности попросить информанта прояснить тот или непонятный ответ. Таким образом, исследователю важно проверить, с одной стороны, что участники могут читать и писать на используемом в анкетах языке, а с другой стороны, сформулировать вопросы так, чтобы участник мог их легко понять. (Garrett et al. 2006, 31, 35.)

Миеликяйнен и Паландер также отмечают, что для изучения восприятий молодых людей анкеты не обязательно лучшее средство, потому что молодым людям может быть трудно выражать свои восприятия в письменной форме. С другой стороны, Миеликяйнен и Паландер пишут, что лучше, чем анкеты, выступает опрос в электронном виде, с помощью которого можно получать длинные ответы и аргументацию. (Mielikäinen ja Palander 2014, 22-23.) На наш взгляд, речь идет больше о том, что молодые люди привыкли использовать электронное средство, чем о том, что молодые люди не были бы способны выражать себя письменно. Кроме того, отмечается, что молодые люди моложе двадцати лет могут иметь мало знаний о разных вариациях языка и опыта их узнавания (Mielikäinen ja Palander 2014, 23). Знание и опыт о вариациях языка накапливаются в учебе, работе и службе в армии, когда можно слышать речь людей из разных регионов. (Nurpponen 2011: 8; Palander ja Nurpponen 2005, 15.) Следовательно, исследователю надо обдумывать, насколько хорошо подходят анкеты для изучения восприятий, если информанты молодые.

2.1.3 Комбинация карт восприятий и анкет

Как было представлено выше, в народной лингвистике используются разные методы. Представленные выше методы очень часто используются не отдельно, а в народнолингвистическом исследовании встречаются разные их комбинации. Польза комбинаций разных методов в том, что с их помощью можно получить более адекватную и полноценную информацию о восприятиях «наивных» носителей языка (Mielikäinen ja Palander 2014, 25). В следующем мы рассмотрим кратко, как другие авторы использовали комбинацию карт восприятий и анкеты.

В одном швейцарском народнодиалектологическом исследовании изучали с помощью карты восприятий, в каких местах люди говорят на французском языке в Швейцарии по-разному. Ученый просил информантов разметить на карте Швейцарии¹ границы вариаций французского языка и дать сформированным ими территориям название. С помощью анкет

¹ В исследовании использовалась карта, представляющая только границы кантонов, на которых говорят на французском языке. На карте были также представлены некоторые города. (L'Eplattenier-Saugy 2002, 353.)

исследовали отношение информантов к вариациям французского языка в Швейцарии. В анкетах представили списки швейцарских кантонов и шкалы оценок, с помощью которых информантов попросили оценивать, в том числе «корректность» и «приятность» вариаций языка. (L'Eplattenier-Saugy 2002).

В своей диссертации Вааттоваара использовала карты Финляндии¹, на первых двух информантов просили маркировать места, где они хотели/не хотели бы жить. На третьей карте информантов просили маркировать территорию, где люди говорят в Финляндии так, как говорят в муниципалитете «Пелло» (Pello). В анкетах Вааттоваара использовала закрытые, открытые и полужакрытые вопросы, а также шкалы оценок, с помощью которых она изучала, в том числе, мнение информантов и использование языка. (Vaattovaara 2009, 286-300.)

В настоящей работе мы тоже использовали комбинацию карт восприятий и анкет для сбора эмпирического материала. С помощью карт восприятий мы попытаемся выяснить, где в России люди имеют своеобразные языковые элементы и какие языковые особенности в их речи встречаются. Социолингвистические анкеты мы использовали для выяснения «наивности» информантов и основы их восприятий (см. глава 4).

2.2 Выводы

Итак, в настоящей главе мы рассмотрели методологию народной лингвистики и деление на прямые и непрямые подходы. В подразделах мы рассмотрели более детально использованные в настоящей работе методы – карту восприятий и анкеты. Рассмотрение показало, что данные методы релевантны для изучения восприятий «наивных» носителей о языке, но оно также показало, что карта восприятий и анкета имеют свои недостатки, проблемные зоны, на которых надо обратить внимание, когда они используются в исследовании.

¹ В своей диссертации Вааттоваара использовала карты, представляющие государственные границы Финляндии. Также в картах представлены многие города и муниципалитеты. (Vaattovaara 2009, 287-292.)

3 Вариации русского языка

В настоящей главе мы рассмотрим вариации русского языка – подсистемы, образующие национальный русский язык. Русский язык делится на четыре подсистемы, которыми являются литературный язык, просторечие, территориальные диалекты и социальные диалекты (Крысин 2003, 5; Беликов и Крысин 2001, 33). Таким образом, в первых четырех разделах данной главы рассматриваются эти вариации. Мы рассмотрим их в двух аспектов: лингвистическом и социальном. В разделе территориальные диалекты мы рассмотрим кратко также понятия «диалект», «говор» и «наречие», часто встречающиеся в русской диалектологии. В пятом разделе мы представим выводы о рассмотренных нами вариациях русского языка.

3.1 Литературный язык

Литературный язык¹ – вариация нормированная, кодифицированная. Это значит, что литературный язык регулируется языковыми нормами – совокупностью правил, касающихся выбора и употребления языковых средств. Языковые нормы регулируют использование языка и рекомендуют одни языковые средства и способы выражения как «законные». Также его сознательно культивируют и фиксируют в словарях и грамматиках. (Беликов и Крысин 2001, 24-27.) Нормы регулируют обе разновидности, в которых реализуется литературный язык – в речи письменной (книжной) и разговорной.

Письменная речь (книжный стиль) имеет в виду печатный язык, использованный в научных, учебных, публицистических произведениях, официально-деловых документах и художественной литературе. Она фиксируется нормами в грамматиках, учебных пособиях, словарях и специальных справочниках. (РЯЭ 1997, 438.) С точки зрения нормирования, интересным исключением является художественная литература, действующая не только в рамках норм литературного языка, а в ней можно использовать также вариации русского языка, не соблюдающие нормы литературной формы. В художественной литературе часто используются элементы других некодифицированных подсистем русского языка, например, диалектизмы, жаргонизмы – диалектные и жаргонные слова, а также просторечие (о

¹ Беликов и Крысин (Беликов и Крысин 2001, 27) пишут, что иногда используют термин «стандарт» или «стандартный» язык, но в российской лингвистической терминологии установился термин «литературный язык».

диалектах, жаргонах и просторечии – см. данную главу), которые иначе не рекомендует использовать в литературном языке (РЯЭ 1997, 439; Беликов и Крысин 2001, 27; Галкина-Федорук и др. 2016, 64, 66-67). Разговорная разновидность литературного языка (устная речь) отличается от письменной своими собственными синтаксическими, фонетическими признаками и тенденцией отбора слов и их форм, являясь одновременно спонтанной, неподготовленной речью его носителей (РЯЭ 1997, 438). Она, в отличие от письменной речи, не регулируется сознательно или группой экспертов. Однако разговорный литературный язык не лишен своих собственных грамматических закономерностей, что значит, что в процессе коммуникации речь носителя разговорной речи литературного языка протекает в формах устоявшихся речевых стандартов (Крысин 2003, 43; РЯЭ 1997, 438-439).

Носителем литературного языка является человек, обладающий тремя признаками: 1. русский язык является для него/нее родным; 2. он/она родился/родилась и/или длительное время, по крайней мере, большую часть своей жизни живет в городе; 3. он/она имеет высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке (Беликов и Крысин 2001, 28; Крысин 2003, 35). Социальная база носителей литературного языка гетерогенная, которая является результатом территориальной и социальной неоднородностей коллектива. Как пишет Крысин (Крысин 2003, 36): "университетский профессор – и рабочий со средним образованием, журналист и писатель--- заводской инженер или геолог---учитель-словесник – и шофер-такси, коренной москвич – и выходец из костромской деревни---все эти и другие представители разнородных, социальных, профессиональных и территориальных групп оказываются---объединенными в одну совокупность «носители литературного языка»". Таким образом, носителями литературного языка являются представители из разных слоев российского общества.

Как социальная база литературного языка, так и сам литературный язык гетерогенны. Как было сказано, со статусом литературного языка связывается аксиома о единстве и общеобязательности нормы для всех говорящих на нем, но это не значит, что использование различных вариативных способов запрещено в устной речи. Таким образом, в устной речи литературного языка можно использовать варианты, находящиеся на грани нормы литературного языка и внелитературной формы речи. В речи носителей литературного языка иногда встречаются языковые элементы из других подсистем, как диалектов и просторечия.

Например, в речи академика В. В. Виноградова¹, носителя литературного языка, обнаружили следы диалектного влияния. (Крысин 2003, 38-39.)

С функциональной точки зрения литературный язык является той разновидностью национального русского языка, которая обслуживает культурные потребности народа в большинстве социальных сфер – в науке, образовании, государственных учреждениях, медиа и т. д. (Беликов и Крысин 2001, 27; Галкина-Федорук и др. 2016, 4). Исходя из его статуса – быть компонентом культуры – литературный язык имеет более высокий социальный престиж по сравнению с другими вариациями, подсистемами русского языка (Крысин 2003, 47). Этот социальный престиж вместе с нормированием и полифункциональностью (сфер использования) отличают литературный язык от других подсистем (Беликов и Крысин 2001, 29).

3.2 Просторечие

Энциклопедия «Русский язык» определяет просторечие как социально ограниченную разновидность русского языка, включающую в себя лингвистические средства за пределами литературной нормы (РЯЭ 1997, 390). Данная разновидность является средством общения населения преимущественно в городских условиях, реализуется в речи жителей городов с низким уровнем образования, не владеющих нормами литературного языка² (Шапошников 2012, 6; Соломина 2016, 134; Крысин 2013, 77). Однако отмечается, что состав носителей просторечия неоднородный. Крысин подразделяет просторечие на два типа – просторечие-1 и просторечие-2: носителями первого типа являются горожане старшего возраста – преимущественно пожилые женщины, имеющие образование не выше начального уровня. Носителями второго типа просторечия являются горожане среднего и молодого возраста, из которых значительной частью являются мужчины, имеющие незаконченное среднее образование. (Крысин 2003, 56.) Просторечие реализуется типично в бытовых ситуациях, как в общении внутри семьи и с родственниками (Крысин 2003, 54; Крысин 2013, 77).

Хотя социальная база просторечия состоит из малообразованной части городского населения, его использование не ограничено только данным составом, а просторечие

¹ Виктор Владимирович Виноградов (1894-1969) – крупный организатор российской (советской) филологии (РЯЭ 1997, 69).

² Кудинова отмечает, что просторечие часто характеризуется как речь городская. Исходя из этого, с термином «просторечие» часто используют прилагательный «городской» - городское просторечие (Кудинова 2009, 136).

используют в речи всего (русского) народа (Козлова и Холодкова 2009, 96). Таким образом, просторечие делится на внелитературную форму – средство общения малообразованного городского населения, и литературную форму «литературное просторечие» – способ стиля, намеренно используемый образованными людьми, владеющими литературной формой (Шапошников 2012, 6-7; Егорова 2011, 386; Титова 2009, 307). Энциклопедия «Русский язык» (РЯЭ 1997, 390) отмечает, что носители просторечия (внелитературной формы) не осознают, что особенности просторечия ненормативные, следовательно, существенная разница между внелитературным и литературным просторечиями не в том, что в речи носителя языка встречаются просторечные элементы, а в том, что один думает, что говорит правильно, а другой знает, что говорит неправильно. Шапошников (Шапошников 2012, 7) также пишет, что в языковой реальности существуют степени неправильности, и даже малограмотная речь не состоит только из нарушений норм литературной формы. На наш взгляд, эту мысль Шапошникова можно продолжать и предполагать, что при определении носителя просторечия речь идет не (только) о том, нарушает ли носитель языка нормы литературной формы намеренно или нет, а (также) о том, *в какой степени* носитель языка их нарушает.

С лингвистической точки зрения просторечие является сложной разновидностью русского языка, в которой встречаются языковые явления из всех языковых уровней, не соблюдающие нормы литературной формы русского языка (РЯЭ 1997, 390; Крысин 2003, 57). Например, в области фонетики встречаются смещения ударения, например *шóфeр* вместо *шофёp*, в области морфологии существительные могут изменить категорию рода, например *мыш* (м. род) вместо *мышь* (ж. род), изменения в формах склонения, например *с людьми* вместо *с людьми*, в области синтаксиса ненормативное глагольное управление, например *интересоваться об политике*. (РЯЭ 1997, 390-391.)

Просторечие (именно просторечие-1) имеет также явную связь с диалектами, что значит – в нем встречаются языковые черты, пришедшие из территориальных диалектов (Кудинова 2009, 136; Крысин 2003, 55). Многие примеры приведены в главе *Формы существования (подсистемы) русского национального языка* (Крысин 2003) и в статье *Общерусские просторечные признаки в живой речи жителей г. Тамбова* (Козлова и Холодкова 2009), в которых представляются языковые черты просторечия и которые можно, на наш взгляд, считать диалектными. Например, в области морфологии встречается смешение форм родительного и дательного падежей у существительных женского рода: *у сестре* – *к сестры*, типы смешения, которые встречаются в северных и южнорусских диалектах (Крысин 2003, 58-59; Пожарицкая 2005, 110-111), и в области фонетики встречается произношение

фрикативного звука [ɣ] вместо нормативного [ɛ]: *речь должно быть [ɣ]рамотной*, особенность южных диалектов (Козлова и Холодкова 2009, 97; РД 2013, 273).

Просторечие (именно просторечие-2) имеет также связь с социальными диалектами и в просторечии-2 встречаются профессиональные и жаргонные слова. Также отмечается, что именно через него в литературную речь приходят подобные (профессиональные и жаргонные) элементы. (Крысин 2003, 65.)

Кроме вышеизложенного, одна лингвистическая сложность характеристики просторечия проявляется в том, что оно включает в себя языковые элементы, находящиеся на грани литературной нормы. Данные элементы имеют яркую стилистическую окраску, квалифицирующиеся в письменной форме как ненормативные, но в устной форме как нейтральные, например: у *ней* платье новое. (Шапошников 2012, 7). Другая сложность также в том, что эта граница изменчивая. Таким образом, просторечные элементы могут "повыситься в ранге", например, слова *верховье* и *быль* считаются общелитературными, хотя они раньше квалифицировались просторечными. В качестве другого примера можно привести слова *кофе*, относящиеся к мужскому роду. Раньше его склонение по среднему роду считалось просторечным, но в современных словарях данное считается допустимым. (Галкина-Федорук и др. 2016, 80; Кудинова 2009, 137.)

Как было представлено выше, просторечие является с лингвистической и социальной точек зрения сложной системой. На наш взгляд, характер просторечия метко характеризуется Адамия, когда она пишет, что просторечие: "----вечно живая часть языка – оно меняется, что-то теряет, чем-то обогащается и не уходит из языка"(Адамия 2014, 250).

3.3 Территориальные диалекты

Территориальные диалекты (далее диалекты) являются вместе с литературным языком основными разновидностями русского языка. Как литературный язык, так и диалекты имеют свою фонетическую и грамматическую систему. (РД 2013, 5.) Диалекты отличаются от литературного языка тем, что они функционируют как средство общения только в сферах семейных и бытовых ситуаций и имеют только устную форму. Также диалекты не кодифицированы, что значит – их использование регулируется традициями. (РД 2013, 5-6; Беликов и Крысин 2001, 25, 30.) Диалекты и литературный язык имеют тесную взаимную связь, потому что литературный язык влияет на них через образование и медиа. Однако надо заметить, что сам литературный язык возник на основе московского говора. (РД 2013, 6.)

Диалекты русского языка делятся на два больших наречия – северное и южное, между которыми лежат среднерусские говоры, имеющие диалектные черты обоих наречий (РД 2013, 7). Особенности северного наречия являются в области фонетики, например, оканье¹, произношение [мм] вместо *-бм* – *о[мм]ан* (обман), в области грамматики, например, общая форма для дательного и творительного падежей множественного числа: *к пустым ведрам* – *с пустым ведрам*. Особенности южного наречия являются в области фонетики щелевой звук [γ] вместо г: *но[γ]а* вместо *нога*. В области грамматики, в частности, конечная фонема *-т'* в окончании 3-го лица единственного и множественного чисел: *несе[т']*, *несу[т']*, а также особое склонение местоимений в родительном падеже: *у мене, тебе, себе*. (РД 2013, 271-273.)

Кроме вышеизложенного, в диалектах встречаются также многие другие особенности, отличающиеся от литературной формы. Такими особенностями являются, например, сложные временные формы глаголов, отсутствующие в литературном языке. В говорах встречается использование перфектной (состояние субъекта, возникшее в результате совершенного им действия) формы глагола, которая образуется деепричастием с суффиксом *-ши* (*-вши*). (Пожарицкая 2005, 148.) Например, использование данного типа встречается в говоре села Ладва: *он привыкши* (Булатова 1975, 189-190). В некоторых говорах северного наречия встречаются также формы давнопрошедшего времени типа: *лес был принадлежал монастырю* (РД 2013, 155), но в книге Пожарицкой (Пожарицкая 2005, 149) представляется также форма: *она была поевши*. В области лексики, например, склонение существительного *мышь* по мужскому роду широко распространено в говорах южного наречия, а также в некоторых говорах северного наречия² (Теплова 1987, 130, 132). Диалекты не ограничиваются только грамматическими и фонетическими (лексическими и т. д.) особенностями, но также и темп речи носителей диалекта варьируется (РД 2013, 29). Изучался темп речи носителей диалектов (южного и северного наречий, а также среднерусских говоров) и выяснилось, что говоры отличаются по темпу как между собой, так даже и от литературного языка³ (Пауфошима 1975, 146-150).

¹ Оканье – безударный вокализм, в котором произносят безударный звук [о] на месте фонем *-о*, например, в слове *вода* безударный *-о* произносится как *о* (РЯЭ 1997, 283). Другая разновидность вокализма – аканье, свойственное южному наречию и литературному языку, в котором безударный звук [о] произносится как *а* (РЯЭ 1997, 19).

² В подразделе «просторечие» мы рассмотрели, что склонение *мышь* по мужскому роду считается просторечным явлением, но, как представляет Теплова выше, мы можем предполагать, что данное склонение имеет диалектное происхождение.

³ В статье представляется, что вологодский говор существенно отличается по темпу не только от владимирского и рязанского говоров, но и от литературного языка. (Пауфошима 1975, 150).

С социальной точки зрения, диалекты являются средством общения преимущественно сельского населения (РД 2013, 5-6). Они обслуживают разговорную речь крестьян старшего поколения, преимущественно женщин, не связанных с современными формами ведения хозяйства (Беликов и Крысин 2001, 30; Крысин 2003, 48). Отмечается, что в остальных слоях и группах сельского населения в той или иной степени речь подвержена влиянию других подсистем языка (Крысин 2003, 48). Однако как мы рассмотрели в разделе просторечие, диалекты не ограничиваются только сельской местностью, а диалектные черты встречаются также в речи городских носителей языка, особенно в речи носителей просторечия-1.

Мы рассмотрели выше русские диалекты с лингвистического и социального аспектов. В дальнейшем мы рассмотрим некоторые понятия, встречающиеся в русской диалектологии. В русской диалектологии часто можно встретить термины «диалект», «говор» и «наречие», значение которых, вероятно, не вполне ясно для читателя, незнакомого с русской диалектологией. Поэтому мы кратко рассмотрим, как они определяются.

Термином «диалект» можно указать на все упомянутые термины, но его часто употребляет как альтернативу термину «литературная речь»: ”диалектное слово”; ”говорить на диалекте” (Хабургаев 1973, 9; Пожарицкая 2005, 12.) Под термином «говор» обычно имеется в виду речь языкового коллектива – жителей одного населённого пункта, например, говор деревни Веркола (Хабургаев 1973, 8; Пожарицкая 2005, 12). «Наречие» - самая крупная единица в членении русского языка, состоящая из групп говоров¹ (РЯЭ 1997, 257; Хабургаев 1973, 8-9). Хабургаев (Хабургаев 1973, 9) выделяет также второй аспект – лингвоэтнический, указывающий на язык как средство общения народности или нации.

3.4 Социальные диалекты

Социальные диалекты, или социолекты, представляют собой совокупность языковых особенностей – слова, словосочетания и синтаксические конструкции, обслуживающие коммуникативные потребности какой-либо социальной группы. Таким образом, в отличие от литературного языка и территориальных диалектов, социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации (Беликов и Крысин 2001, 30).

Разновидностями социальных диалектов являются жаргон, арготизмы и сленг – термины, которые часто используются как синонимы. (Беликов и Крысин 2001, 31, 33; Мизюрина 2013,

¹ Группа говоров – географическая единица, включающая в себя говоры, слабо отличающиеся друг от друга (Хабургаев 1973, 8).

107.) Однако, видимо, классификация и содержание этих терминов зависят от интерпретации авторов. Одни определяют, что жаргон свойствен людям различных профессий, и он обуславливается профессиональной обособленностью (РЯЭ 1997, 439; Беликов и Крысин 2001, 33-34). Арго отличается от жаргона тем, что оно создается для того, чтобы сделать речь данной социальной группы непонятной для тех, кто не относится к нему. Арго и сленг – социально специфические разновидности социолектов, например, воровское арго и студенческий сленг. (Беликов и Крысин 2001, 31-34.) Другие исследователи классифицируют вышеизложенные термины так, что сленг – стилистически сниженный пласт лексики, включающий в себя имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие, например, бытовые явления. По данной классификации сленг покрывает целиком жаргон и арго, а отчасти грубое просторечие ¹. (Мизюрина 2013, 110-111.)

Кроме указанных выше социолектов, существует другой социальный диалект – общегородской жаргон. Предполагается, что внутри границ города формируется речевой коллектив, объединяющий всех его жителей – речевой код, проникающий во все слои города (носители просторечия, литературного языка и т. д.). Этот речевой код включает в себя, в том числе неофициальные названия городских объектов. (Юнаковская 2011, 194.)

3.5 Выводы

Итак, в настоящей главе мы рассмотрели вариации – литературный язык, просторечие и диалекты (территориальные и социальные), образующие совокупность национального русского языка. Рассмотрение показало, что с лингвистической точки зрения русский как языковая система предстает как сложный агломерат, в подсистемах которого встречаются различные особенности во всех языковых уровнях. Также грань между подсистемами не всегда строгая, а встречаются и языковые элементы, находящиеся на границе подсистем. С социальной точки зрения – в языковой реальности – сложность проявляется, например, в том, что использование языковых элементов одной подсистемы не ограничиваются только речью носителя определенной подсистемы, а носители русского языка могут использовать разные элементы из всех подсистем в своей речи.

¹ Это определение, предлагаемое Мизюриной, но она отмечает, что «сленг» определяются другими авторами иначе (см. Мизюрина 2013).

4 Анализ материала

В настоящей главе мы рассмотрим наш эмпирический материал. Глава состоит из трех разделов – метод сбора материала, фокус-группа и анализ восприятий. В разделе «метод сбора материала» мы объясним структуру социолингвистических анкет, использованных нами для сбора эмпирического материала и ход сбора материала. Во втором разделе мы рассмотрим на основе аналитического материала нашу фокус-группу и выясним пол, год и место рождения информантов, а также их связь с русским языком (со знанием ими теоретических аспектов русского языка и живой русской речью в России). В третьем разделе мы проанализируем эмпирический материал и попытаемся выяснить восприятия информантов, касающиеся русского языка.

4.1 Метод сбора материала

4.1.1 Структура социолингвистических анкет

Наши социолингвистические анкеты состоят из семнадцати вопросов и двух заданий (см. приложение). Эти вопросы и задания делятся на четыре блока:

1. Социальные факторы: вопросы 1-3 касаются социальных факторов – личная информация как год рождения, пол и место рождения.
2. Связь с русским языком: Вопросы 4-6 касаются частоты поездок в Россию в течение года; если поездки есть, то в каких регионах, местах в России информанты проводят время, имеют ли они родственников в России. Вопросы 7-10 касаются связи с теоретическими знаниями в области русского языка.
3. Восприятия о русском языке: вопросы 11, 15-17 и задание №1 касаются восприятий русского языка.
4. Знание о вариациях русского языка: вопросы 12-13 и задание №2 касаются способности информанта распознать разные социодialeктные вариации русского языка.

Вопросы на тему социальных факторов мы использовали потому, что, как было представлено во второй главе, молодые люди могут иметь мало знаний о социальных, стилистических, диалектных вариациях языка и опыта их узнавания, эти навыки, как правило, развиваются при расширении социальных отношений индивида. Поэтому мы попросили информантов дать личную информацию, таких как год рождения и место рождения.

Вопросы на тему связи с русским языком мы задали потому, что, как мы рассмотрели в первой главе, в (по крайней мере, финских) школах ученикам дают представление о вариациях языка и, как мы рассмотрели во второй главе, иногда (или даже довольно часто) восприятия основываются именно на школьном обучении. Поэтому важно выяснить лингвистическое знание информантов. В третьей главе мы рассмотрели, что некоторые подсистемы, такие как территориальные диалекты и просторечие функционируют в бытовых и семейных ситуациях, диалекты – преимущественно в сельской местности, а просторечие – в городских условиях. Таким образом, важно знать, имеют ли наши информанты родственников в России. Также важно выяснить, где они (информанты) проводят время в России, чтобы выяснить те языковые условия, в которых они бывают непосредственно связаны с русским языком и какие подсистемы в них встречаются.

Вопросы и задание № 1 на тему восприятий о русском языке мы использовали для выяснения индивидуальных восприятий информантов о русском языке. Для этого мы использовали вопросы, в которых мы спросили, например, о том, на что информанты обращают внимание в русском языке и что в нем им непонятно; также мы использовали метод Престона – карту восприятий. Согласно Престону, мы попросили участников маркировать зоны, в которых носители русского языка имеют своеобразные языковые элементы. Но мы также попросили информантов классифицировать распознанные ими языковые элементы и рассказать, на чем эти восприятия основываются. Мы также предполагаем, что русский язык в Финляндии отличается от русского языка в России. Поэтому мы попросили ответить на такой важный вопрос: принято ли говорить в семьях информантов о разнице между русским языком в Финляндии и России (Эти вопросы относятся к социолингвистическому и общекультурному багажу индивида), а также отличается ли речь информанта от русской речи жителей России.

Вопросы 12-13 и задание № 2 четвертой темы мы использовали, чтобы выяснить, как хорошо наши информанты распознают лексемы, относящиеся к разным подсистемам русского языка. С помощью этой темы вместе со второй темой (связь с русским языком) мы можем проверить «лингвистическую наивность» информантов. Вопрос 14 касается отношений информантов к вариациям русского языка, но в настоящей работе данный аспект не рассматривается. Таким образом, ответы на этот вопрос не учитываются при анализе.

Из представленных выше блоков, главную базу нашего эмпирического материала для изучения языкового сознания участников формирует тема восприятий русского языка, а более конкретно – задание №1. Восприятия информантов мы рассмотрим с точек зрения,

представленных в первой главе: *доступность, точность, детальность* и микро- и макролингвистический уровни восприятий.

4.1.2 Ход сбора материала

Наш эмпирический материал был собран 29.11.2019 в университете Тампере. Материал был собран в двух частях – во время двух лекций, в которых участвовали студенты первого и второго курса, изучающие русский язык. Анкетирование было организовано так, что в начале каждой лекции мы рассказали студентам кратко о нашем исследовании – представили цель исследования и кратко объяснили структуру анкет. Мы также рассказали, что ответы цитируются в дипломной работе анонимно и подчеркнули, что настоящие анкеты – не тест на знание русского языка. Мы также раздали каждому участнику форму, содержащую информацию, представленную выше (см. приложение 5).

Мы присутствовали лично во время сбора эмпирического материала, чтобы отвечать на вопросы, касающиеся анкет. Информантам нельзя было общаться друг с другом, обращаться к различным источникам информации (Интернет, справочники, словари). Наше присутствие оказалось уместным, потому что при анкетировании возникали некоторые вопросы среди участников. Мы записали эти возникшие вопросы и обсуждения участников, которые мы рассмотрим при анализе более подробно.

4.2 Фокус-группа

Как было представлено выше, наша фокус-группа состоит из студентов первого и второго курса – всего было опрошено семнадцать студентов. В дальнейшем мы рассмотрим более детально социальные факторы наших информантов – пол, год рождения и место рождения, а также их связь с теоретическими знаниями о русском языке и с живой русской речью в России¹.

4.2.1 Социальные факторы

Во-первых, мы попросили информантов указать пол и год рождения (вопросы №1 и №2). В анкетировании участвовали семнадцать студентов, из которых четырнадцать – женщины, а остальные трое – мужчины. Различие участников по возрасту значительное, но большинство из студентов родились в девяностых годах – всего двенадцать человек, в восьмидесятых годах

¹ В настоящей работе цитаты представляются в той форме, как они были написаны информантами в анкетах.

родились три студента, в шестидесятых родился один студент, два студента родились в начале XXI века.

Во-вторых, мы попросили информантов указать место рождения (вопрос № 3). Из информантов семь родились в Финляндии. Это значит, что большинство участников родилось вне Финляндии – всего девять студентов. Из этих участников шесть родились в России, а остальные студенты родились в Прибалтике – три в Эстонии и один в Литве. В наших анкетах мы попросили информантов также написать, сколько им было лет, когда они переехали в Финляндию. Два участника переехали в Финляндию в младенческом возрасте (меньше года), один – в дошкольном возрасте, два переехали в младшем школьном возрасте, три переехали в подростковом возрасте¹ и один – во взрослом возрасте (больше 18 лет). Один участник не сообщил возраст. Из участников, родившихся в России, все родились в европейской части России – в Москве, Санкт-Петербурге, Петрозаводске и Мурманске.

Итак, наша фокус-группа гетерогенная группа, участники которой представляют собой разные возрастные группы, имеющие корни в разных странах – в Финляндии, России и Прибалтике.

4.2.2 Связь с теоретическим знанием русского языка

В этом подразделе мы рассмотрим более детально, как наши информанты связаны с русским языком. Во-первых, мы рассмотрим связь информантов со знанием теоретических аспектов русского языка: где информанты научились писать на русском языке, где и как они изучали теорию русского языка и читают/читали ли они иногда о состоянии современного русского языка. Во вторых, мы рассмотрим связь информантов с живой русской речью: является ли русский язык их домашним языком, имеют ли они родственников в России, где информанты проводят время в России, часто ли они ездят в Россию и как они связаны с русским языком в России.

Мы попросили информантов ответить, где и как они изучали русский язык (вопрос № 7). Один из пунктов гласил *я научился/научилась писать* и вариантами ответа являлись *в России* и *в Финляндии*. Также информанты имели возможность выбрать, научились ли они писать *дома, в школе и другое, где*. Три участника научились писать в России. Один из них научился

¹ Один участник написал, что переехал в Финляндию, когда ему было 15 лет, но до этого он прожил в Финляндии два года в дошкольном возрасте.

писать дома, один участник в школе и дома и один участник в школе и дома, а также два года в университете.

В Финляндии научились писать на русском языке девять участников: из них – четыре научились писать дома, четыре – в школе и дома и один участник научился писать в школе.

Два участника ответили, что научились писать в Финляндии и в России. Из этих информантов один научился в России (в детском саду и дома), а в Финляндии учился в школе, а другой научился писать в России (в школе и дома), а в Финляндии дома. Кроме них, один участник ответил, что научился писать на русском языке в школе в Эстонии. Один участник отказался отвечать на этот вопрос.

Для выяснения изучения вопроса о знакомстве с теоретическими сведениями о русском языке мы спросили информантов, изучали ли они когда-либо теорию о русском языке (вопрос № 8). Вариантами ответов являлись *в школе, гимназии (сколько лет, когда?), просто сам/а изучал/а учебные пособия или материалы, у меня не было систематического курса русского языка и нигде не изучал/а*. Большинство участников ответило, что изучали теорию о русском языке в школе и/или в гимназии – всего тринадцать. Ответы в пункте *в школе, гимназии (сколько лет, когда)* существенно варьировались – от одного года до семнадцати лет¹. Ответы остальных одиннадцати информантов остались между вышеизложенными годами – некоторые ответили, что изучали в школе с первого класса до девятого класса, некоторые ответили, что изучали в гимназии, а некоторые писали только количество лет изучения. Один участник ответил, что изучал с первого класса до окончания гимназии, а другой участник ответил, что изучал десять лет в школе и один год в институте.

Два участника выбрали кроме вышеупомянутого пункта, также другой пункт. Один из этих двух участников ответил, что у него не было систематического курса русского языка, но в гимназии он сдавал экзамены, не участвуя в курсах. Другой из этих двух участников ответил, что у него не было систематического курса русского языка, но после школы получал обучение один час в неделю².

¹ Один участник ответил: "2015-2016"; другой: "17 лет".

² Участник писал: "ходи после школы на 1 час в неделю". Мы трактуем это так, что информант ходил на уроки русского языка раз в неделю, однако не можем констатировать, какие теоретические аспекты русского языка информант получил на этих уроках.

Два из всех участников не выбрал пункта *в школе, гимназии (сколько лет, когда)*. Один информант ответил, что читал сам учебные пособия или материалы о теории русского языка, а другой ответил, что у него не было систематического курса русского языка.

Для выяснения о чтении информантами данных о состоянии современного русского языка в России мы использовали вопрос открытого типа – информанты могли писать ответы своими словами (вопрос № 9). Оказалось, большинство участников не читает или читает мало о состоянии русского языка. Семь ответили "нет" или "не читал/а"¹, четыре ответили, что читает "очень мало" или "иногда". Один участник ответил, что читает "только на курсах в университете (редко)". Другой ответил, что читает "периодически из интереса". Только один участник ответил "да" и добавил, что читает "как техническое развитие влияет на русский язык". Три участника оставили данный вопрос без ответа.

Некоторые из участников также ответили не только положительно или отрицательно на вопрос №9, но и писали более длинные, информативные предложения. Например, один участник писал, что не читал о состоянии современного русского языка, но смотрел видео на ютубе (YouTube) о том, как русский язык изменяется. Он продолжал и писал, что в этом видео некоторые люди (в России) требуют, чтобы русский язык развивался в сторону увеличения языковых средств, отражающих больше социального равноправия людей². Другой информант ответил, что не читал о состоянии современного русского языка, но заметил, что "начинают появляться слова английского происхождения в кругу молодежи. Так же в разговоре очень многие слова соокращают". Также один информант ответил, что читает очень мало (о состоянии современного русского языка) "в основном, если кто-то из знакомых присылает ссылку на какую-то статью" также он продолжал "изменения в языке отчасти вижу в реальной жизни".

Итак, в этом подразделе мы попытались выяснить связь информантов со знанием теоретических аспектов русского языка. Для этого мы рассмотрели, где информанты научились писать на русском языке, где и как они изучали теорию русского языка и читают ли они иногда о состоянии современного русского языка. Рассмотрение показало, что большинство участников научились писать в школе, часть из них – в Финляндии и часть – в России, а некоторые научились писать уже дома. Участники изучали теорию о русском языке

¹ Один из этих семи участников ответил на финском языке: "En oikeastaan lue lehtiä tai artikkeleita paljoakaan venäjäksi" 'я на самом деле не читаю много журналов или статей на русском языке' (перевод наш – Й.Л.)

² Участник ответил на финском языке, что "jotkut venäjän kielessä vaativat tasa-arvoa sanojen välille". 'некоторые требуют в русском языке равноправие между словами.' (перевод наш. Й.Л.)

в школе и гимназии. Таким образом, наши информанты не отличаются от информантов, участвовавших в народнолингвистическом исследовании (см. подраздел 1.2.1 «Народ»). Кроме этого, мы попытались выяснить, читают ли наши информанты о состоянии современного русского языка в России. Оказалось, что информанты не читают активно лингвистическую информацию, касающуюся состояния современного русского языка. Результаты рассмотрения поддерживают взгляд, что информанты, участвовавшие в нашем исследовании, являются «наивными» носителями языка.

4.2.3 Связь с живой русской речью

В дальнейшем мы рассмотрим связь информантов с живой русской речью. Мы рассмотрим аспекты: русский как домашний язык, родственники в России, поездки в Россию и пребывания в ней и связь с русским языком в России, с помощью которых выясним связь информантов с живой русской речью.

Мы спросили информантов, где и как они изучали русский язык (вопрос № 7). Одним из пунктов вариантов ответов являлся такой: *домашний язык*. Этот пункт выбрали почти все участники – шестнадцать, только один участник не выбрал его.

Для выяснения родственников в России, мы попросили информантов ответить, имеют ли они родственников в России (вопрос № 4). Почти все наши информанты имеют родственников в России – всего пятнадцать сообщили, что у них живут родственники в России. Только два участника сообщили, что они не имеют родственников в России. Мы также попросили информантов рассказать, по крайней мере, область проживания родственников.

Родственники участников живут преимущественно в европейской части России – участники назвали Ленинградскую область и Карелию, но также города Москва, Санкт Петербург, Петрозаводск, Сортавала, Архангельск, Мезень (город в Архангельской области), Мурманск, Псков и Тула. Только один участник написал, что имеет родственников в азиатской части России – в городе Тюмень (в юго-западной части Сибири).

Мы также попросили участников рассказать, сколько раз они ездят в Россию в течение года (вопрос № 5). Большинство участников ездит в Россию раз или реже в год – двенадцать

информантов выбрали этот вариант¹. Остальные пять участников ездят в Россию 2-4 раза в год.

Для выяснения мест пребывания в России, мы попросили информантов рассказать, где они проводят время в России (вопрос № 6). Вариантами ответов являлись *в городе, в сельской местности и в городе и сельской местности*. Все участники сообщили, что проводят время в городе. Семь из этих участников сообщили, что проводят время также в сельской местности. Никто не сообщил, что проводит время только в сельской местности.

Кроме этого, мы попросили информантов конкретизировать место пребывания и назвать те города и/или села, где они проводят время. Оказалось, многие из участников проводят время в Санкт-Петербурге – двенадцать упомянули этот город. Пять участников упомянули Петрозаводск. Другими городами назвали Архангельск, Можайск, Мончегорск², Москва, Мурманск, Псков и Сортавала. Информанты упомянули села Жердь и Поросозеро³. Также один участник упомянул Приозерский район⁴. Кроме упомянутых выше городов и сел, один участник ответил, что посещал некоторые маленькие города в Карелии.

Кроме вышеизложенных аспектов, мы попытались выяснить, как информанты связаны с русским языком в России (вопрос №10). Вариантами ответов в анкете являлись *общаетесь с родственниками, читаете художественную литературу, смотрите ТВ-программы и участвуете в русских, русскоязычных социальных сетях (каких?)*. Оказалось, почти все участники сообщаются с родственниками в России – этот пункт выбрали четырнадцать участников. Из остальных трех информантов, не выбравших этот пункт, один добавил, что общается с родственниками в Таллинне на русском языке. Пункт *читаете художественную литературу* выбрали девять участников. Следовательно, около половины участников читает художественную литературу. Пункт *смотрите ТВ-программы* Выбрало явное большинство – пятнадцать из всех участников. Пункт *участвуете в русских, русскоязычных социальных сетях (каких?)* выбрали двенадцать участников, из которых десять ответили, что участвуют в социальной сети *Вконтакте*.

¹ Один информант написал отдельно, что был в последний раз десять лет назад в России. Мы включили это в вариант ответа *раз или реже в год*.

² участник сообщил, что посещал Мурманск и некоторые маленькие города в Карелии

³ участник написал на финском языке "Porojärvi", но нам кажется, что он имеет в виду поселок Поросозеро (Poraajärvi), потому что Porojärvi – озеро в Финляндии. Этот участник также назвал город/село "Zalna", но нам не удалось найти его на карте России. Таким образом, мы не включили его в результат.

⁴ Участник писал "Приозерская область", но явно имел в виду Приозерский район (возможно, информант перевел финское слово alue русским словом область, что может свидетельствовать о неточном знании информантом семантики русских слов область и район).

На вопрос *как вы связаны с русским языком в России* (вопрос № 10) большинство участников выбрало, по крайней мере, три пункта. Из этих информантов пять выбрали все пункты. Два участника выбрали два пункта – оба из них общаются с родственниками в России и смотрят ТВ-программы¹. Один пункт или меньше выбрали два участника – один выбрал, что смотрит ТВ-программы, а другой не выбрал никакого пункта.

Итак, рассмотрение показало, что почти у всех наших информантов русский язык является домашним, также почти все из них имеют родственников, преимущественно, в европейской части России. В России все информанты проводят время в городе, а семь из них проводят время также в сельской местности. Местом пребывания является чаще всего Санкт-Петербург, но участники проводят время и в других городах и селах европейской части России. Мы также попытались выяснить, как они связаны с русским языком в России. Оказалось, что информанты связаны многообразно с живой русской речью в России. Большинство участников общаются с родственниками в России, а также читает художественную литературу и смотрит русские ТВ-программы. Также большинство информантов участвует в русских социальных сетях.

4.2.4 «Народ» в нашем исследовании

Мы рассмотрели выше наши социолингвистические анкеты и нашу фокус-группу – это студенты первого и второго курса. Более подробное изучение анкетных данных показало, что наши информанты – гетерогенная группа, членов которой связывает русский язык. Фокус-группа состоит из представителей разных возрастных групп, родившихся в Финляндии, России и Прибалтике, но владеющих русским как домашним языком. Двум из наших информантов было девятнадцать лет в момент сбора материала, но, как мы рассмотрели во второй главе (подраздел 2.1.3), люди моложе двадцати могут быть не слишком подходящей категорией для народнолингвистического исследования. Мы решили включить их в наше исследование, потому что они оба имеют родственников в России, с которыми общаются и они ездят в Россию.

Рассмотрение связи с теоретическими сведениями о русском языке показало, что информанты изучали теорию (те или иные аспекты) русского языка в школе, гимназии и университете от пары лет до семнадцати лет. Согласно взглядам упомянутых в первой главе

¹ Один из этих двух информантов упомянул, что общается редко с родственниками в России и смотрит редко русскоязычные ТВ-программы.

исследователей, обучение теории языка в школе, гимназии и университете еще не делает информанта профессиональным лингвистом. Мы выяснили также, что информанты читают мало о состоянии современного русского языка – только один ответил, что читает как техническое развитие влияет на русский язык. Мы можем сделать вывод, что информанты не читают активно лингвистическую информацию, касающуюся русского языка. Согласно Престону, случайное проникновение научно-лингвистической информации в языковое сознание информанта не делает его лингвистом. Следовательно, мы можем прийти к выводу, что информантов, участвовавших в нашем исследовании, можно считать «наивными» носителями русского языка, а следовательно, подходящей целевой группой для народнолингвистического исследования. В дальнейшем мы рассмотрим восприятия информантов, касающиеся территориального варьирования русского языка.

4.3 «Наивная» лингвистическая география

В этом подразделе мы рассмотрим «наивную» лингвистическую географию – восприятия, касающиеся своеобразных языковых элементов в речи носителей русского языка и их территориальное распределение на основе ответов в задании №1 (см. приложение 4). Подраздел состоит из трех частей – «Маркировки на картах», «Метаязыковые высказывания» и «На чем основываются восприятия?». В первой части мы представим маркированные информантами на карте зоны и рассмотрим, как они совпадают с регионами, упомянутыми информантами. Во второй части мы проанализируем метаязыковые высказывания, написанные информантами в задании №1. Во-первых, мы рассмотрим, какие регионы информанты упомянули и какие языковые особенности в этих регионах встречаются. Во-вторых, мы проанализируем эти восприятия информантов, касающиеся языка с точек зрения *доступности, детальности и точности*. В третьей части мы попытаемся выяснить основу восприятий.

4.3.1 Маркировки на картах

В этом подразделе мы рассмотрим маркировки на картах, сделанные восемью информантами. В подразделе представляются восемь карт, которые мы рассмотрим каждую отдельно, и сравним, как охарактеризованные информантами в комментариях места соответствуют зонам, маркированным ими на картах.

Информант №1 упомянул в комментариях Череповец, Краснодарский край и регионы рядом с Украиной. Однако маркировки на карте (см. фигура 1) не полностью соответствуют

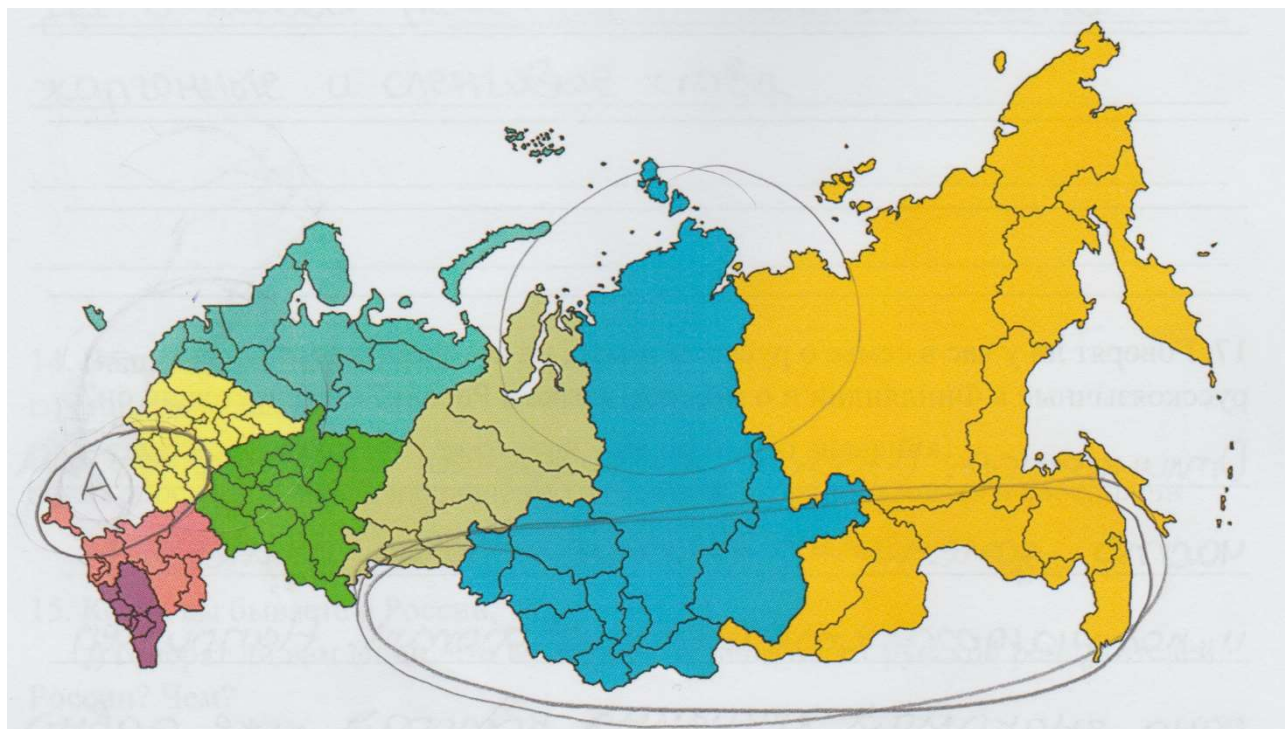
комментариям. На карте информант маркировал кругом Череповец (см. фигура 2, круг в светло-жёлтой зоне), но на карте не маркированы Краснодарский край и регионы рядом с Украиной, а он маркировал кругом зоны на границе между Башкортостаном и Челябинской областью (нижний круг на карте между зелёной и серой зонами) и Свердловской областью (высший круг на серой зоне карты). Также информант маркировал линию, проходящую через Архангельскую область, республику Коми, Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ. Возникает вопрос, что информант имеет в виду, ассоциируя с этими зонами? Если в этих зонах встречаются своеобразные языковые элементы, почему он ничего не написал об этом в комментариях? Или постарался ли он маркировать Краснодарский край и регионы рядом с Украиной, но маркировал их неправильно?

Фигура 1. Маркировки, сделанные информантом №1.

Информант №2 маркировал зону «А» (см. фигура 2), о которой он написал в комментариях, что на речь носителей языка в этой зоне влияет сильно украинский язык. Также он написал, что в Сибири "старый язык". Однако на карте он маркировал две зоны в Сибири. Одну зону он маркировал большим кругом, включающим в себя части Ямало-Ненецкого округа, Красноярского края, Якутии и Иркутской области и Северная Земля (верхний круг в серой, синей и темно-желтой зонах на карте). Другую зону он маркировал большим кругом в южной Сибири, включающим в себя Алтайский край и республику Алтай, Кемеровскую область, Хакасию, Тыву, Бурятию, Забайкальский край, Еврейскую автономную область,

Приморский край и части Омской, Томской, Новосибирской, Иркутской, Амурской и Сахалинской областей, а также Красноярского и Хабаровского краев (нижний круг в серой, синей и темно-желтой зонах на карте). Возникает вопрос, почему он назвал Сибирь, но маркировал две зоны в Сибири. Чем, какими чертами отличается "старый язык" в этих зонах от других «языков» (например, в центре России)?

Фигура 2. Маркировки, сделанные информантом №2.

Подобно двух маркировок и комментариев предыдущих информантов, маркировки и комментарии информанта №3 не совпадают полностью. На карте он маркировал зоны многими крестиками, один – в Якутии и остальные вне границ России (см. фигура 3; Якутия – крестик в темно-желтой зоне на карте). Однако в комментариях информант написал "Север", "границы" и "Азия". Также в пункте А задания №1 информант назвал еще другие зоны, не

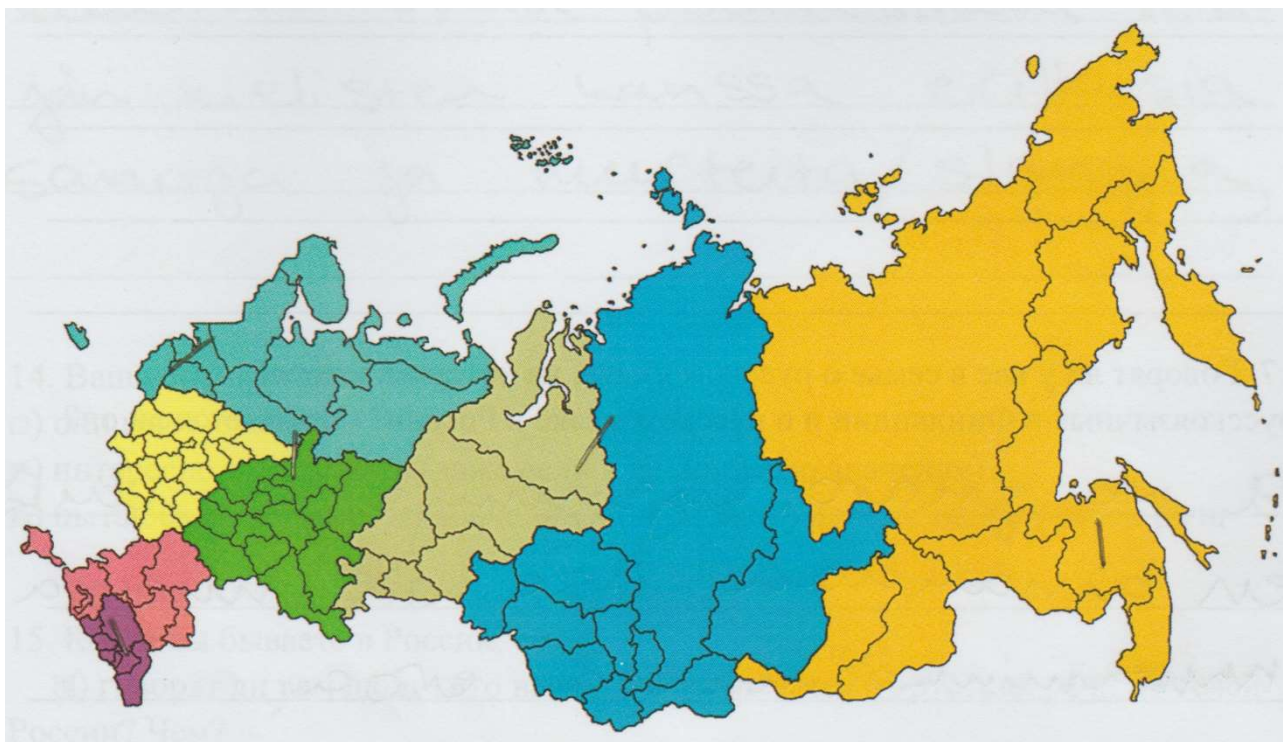
маркированные на карте: в пункте «Фонетические признаки» он написал, что произношение в европейской части отличается от произношения слов в азиатской части России¹.

Фигура 3. Маркировки, сделанные информантом №3.

Информант №4 маркировал на карте короткие прямые линии. Первая линия проникает в Ленинградскую и Новгородскую области (линия в бирюзовой зоне на карте), вторая линия проникает в Вологодскую, Костромскую и Кировскую области (линия, проникающая в бирюзовый, светло-жёлтый и зелёный цвета карты), третья линия проникает в Ставропольский край и Чечню (линия в лиловой зоне на карте), четвертая линия проникает в Ямало-Ненецкий автономный округ и Красноярский край (линия, проникающая в серый и синий цвета на карте) и пятая линия проникает в Хабаровский край (линия в темно-желтой зоне на карте) (см. фигура 4). В комментариях информант характеризует на общем уровне, что в разных местах люди говорят по-разному, например, произношение и темп речи отличаются. Кроме этого, он упомянул, что речь жителей Москвы звучит, как будто они жуют жевательную резинку, но Москву он не маркировал на карте.

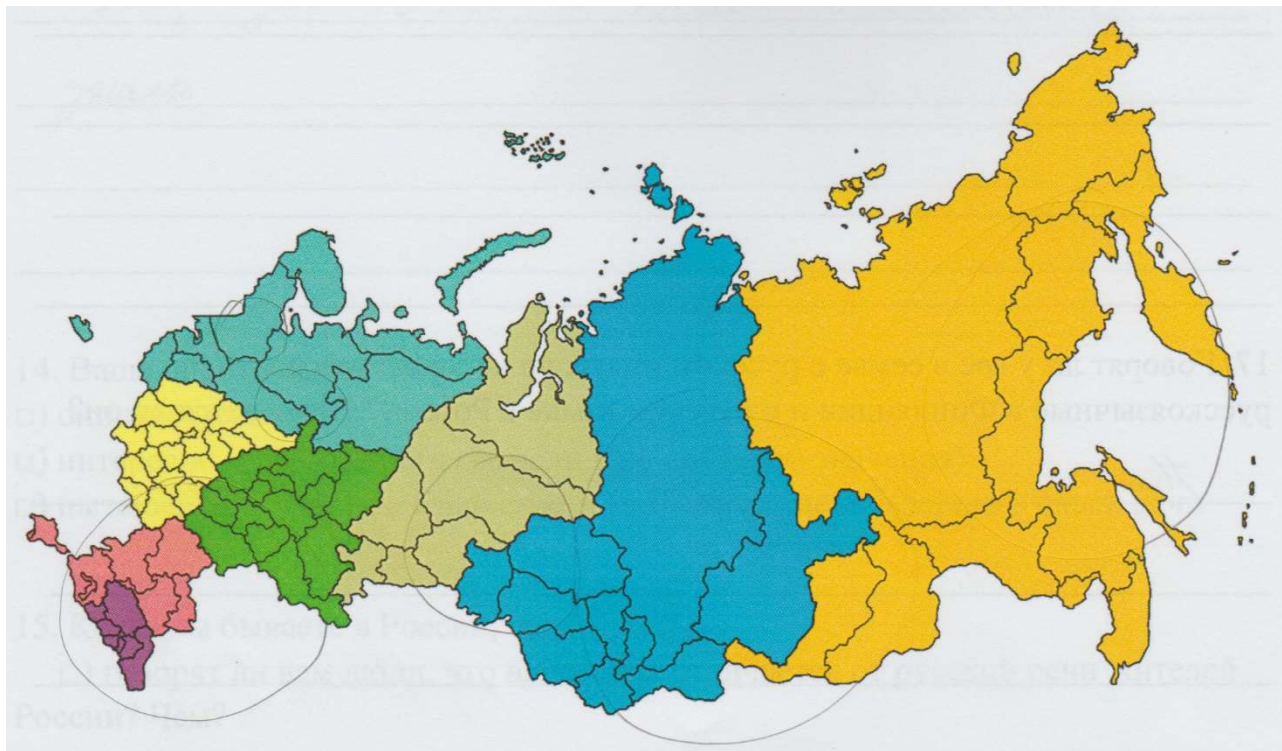
¹ Информант написал: "Произношение в европейской части и в азиатской части другое".

Фигура 4. Маркировки, сделанные информантом №4.

Информант №5 маркировал маленькими и большими кругами зоны на карте (см. фигура 5). Первый маленький круг включает в себя части Карелии и Архангельской области (круг в бирюзовой зоне на карте), второй маленький круг включает в себя части Архангельской, Вологодской, Кировской областей и части республики Коми (круг, частично в бирюзовой и зеленой зонах на карте). Первый большой круг включает в себя Северо-Кавказский и Южный федеральные округа и южные части Центрального и Приволжского федеральных округов (круг, частично в лиловой, розовой, светло-жёлтой и зеленой зонах на карте). Второй большой круг включает в себя Тюменскую и Омскую области, а также части Свердловской, Курганской, Новосибирской, Томской областей и части Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов (круг частично в серой и синей зонах на карте). Третий большой круг включает в себя Кемеровскую и Иркутскую области, республики – Тыву, Хакасию, Бурятию, а также части Новосибирской, Томской и Амурской областей, Алтайского, Красноярского и Забайкальского краёв, части Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов и части Якутии (круг в синей и темно-желтой зонах на карте). Четвертый круг включает в себя Магаданскую область и части Амурской и Сахалинской областей, части Хабаровского и Камчатского краёв, а также части Якутии и Чукотского автономного округа (круг полностью в темно-желтой зоне на карте). Однако в комментариях информант упомянул

Москву, Санкт-Петербург и Сибирь, из которых Москва и Санкт-Петербург не включены ни в какие круги на карте, но некоторые круги частично или полностью располагаются в Сибири.

Фигура 5. Маркировки, сделанные информантом №5.

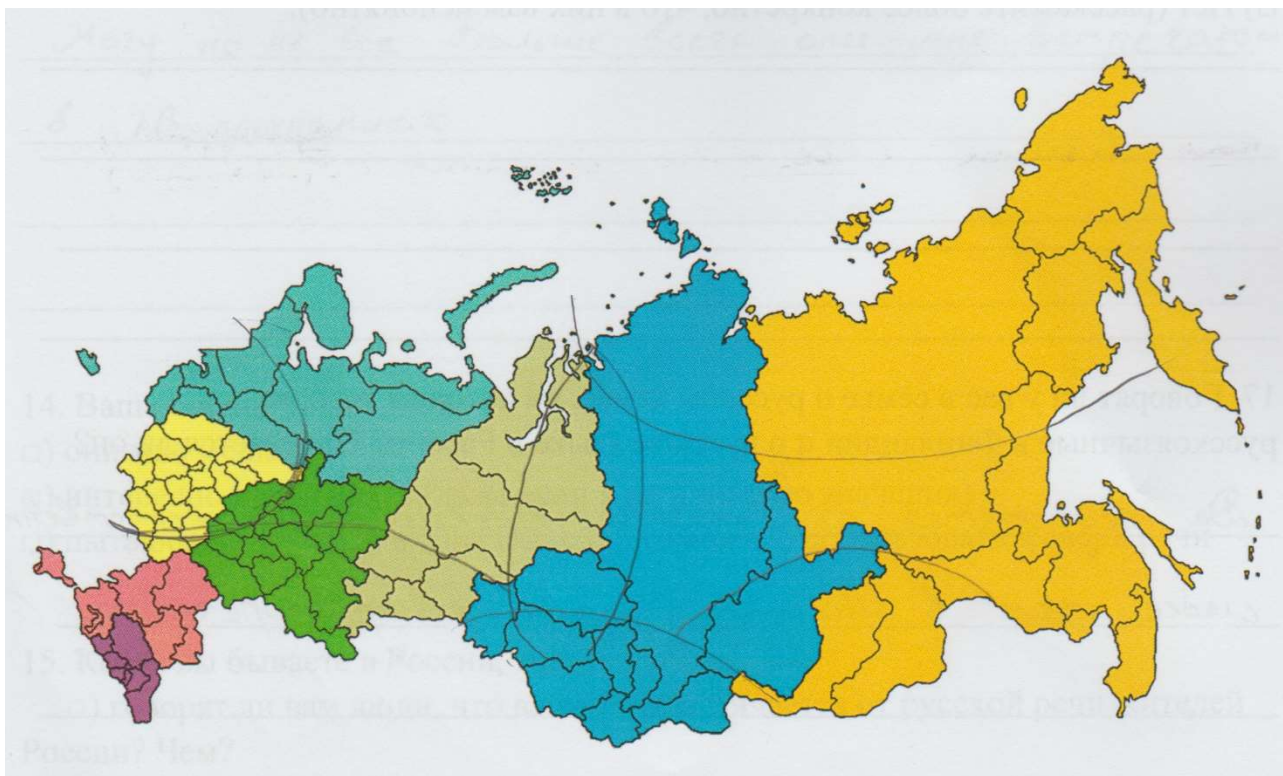
Маркировки информанта №6 представлены в фигуре 6. Информант маркировал точками разные места, две точки в Карелии (точки в бирюзовой зоне карте), одну точку в республике Алтай (точка в синей зоне на карте), другую точку в Якутии (точка в оранжевой зоне рядом с синей зоной на карте) и одну точку в Приморском крае (точка в южной части темно-желтой зоны на карте). В комментариях информант упомянул Карелию и ответил, что в Карелии люди говорят быстро, но он не подчеркнул, касается ли это всей Карелии или только тех точек в Карелии, которые он маркировал на карте. Кроме Карелии, информант характеризовал особенности города Ростов, но почему-то не обозначил этот город на карте. В России есть два Ростова – Ростов-на-Дону и Ростов Великий, но на основе маркировок и комментариев нам не ясно, какой из этих двух Ростовов информант имеет в виду. Поэтому мы используем дальше просто «Ростов». Остальные точки, представленные в фигуре 7, информант не характеризовал

никак. Таким образом, осталось без ответа, какие эти места и какие языковые особенности в них встречаются.

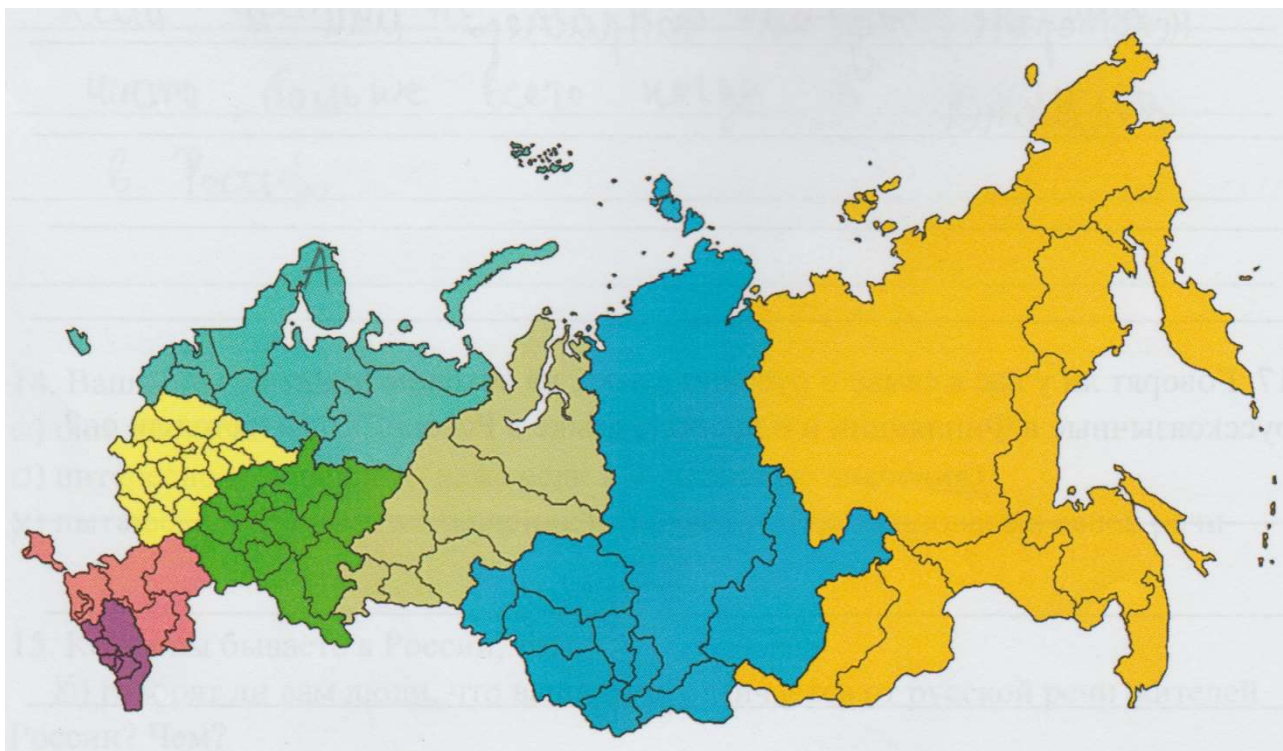
Фигура 6. Маркировки, сделанные информантом №6.

Информант №7 маркировал линиями разные зоны, представленные в фигуре 7. На карте вся Россия разделена линиями на зоны, в которых встречаются своеобразные языковые элементы, но, к сожалению, информант никак не характеризовал, какие языковые особенности в них встречаются. В комментариях информант не комментировал представленные на карте территории, а упомянул Москву и Ленинградскую область и характеризовал особенности, которые в них встречаются. На карте Москва и Ленинградская область включены в одну зону, включающую части Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов (на карте территория внутри линии, образующей полукруг через бирюзовую, зеленый и светло-желтой зонах на карте).

Фигура 7. Маркировки, сделанные информантом №7.

Информант №8 маркировал букву «А» на территории Кольского полуострова (см. фигура 8). В комментариях информант написал, что на этой территории люди используют больше некоторые разговорные слова, чем в других местах, где он бывал. Ответы информанта исключительные и отличаются от ответов других информантов тем, что в комментариях информант объясняет маркировки на карте.

Фигура 8. Маркировки, сделанные информантом №8.

Мы представили выше маркировки, сделанные восемью информантами. Маркировки на картах отличаются друг от друга, но в них можно, на наш взгляд, выделить некоторые зоны. На основе маркировок можно прийти к выводу, что своеобразные языковые элементы встречаются во всей России. Всего семь информантов сделали маркировки на азиатской части России. Информанты обозначили зоны в Уральском (серая зона на карте), Сибирском (синяя зона на карте) и Дальневосточном (темно-желтая зона на карте) федеральных округах. Чуть меньше маркировок информанты маркировали на европейской части России – всего семь. Они обозначили зоны в Центральном (светло-желтая зона на карте), Северо-Западном (бирюзовая зона на карте), Приволжском (зеленая зона на карте), Южном (красная зона на карте) и Северо-Кавказском (лиловая зона на карте) федеральных округах. Кажется, что особенно в азиатской части России встречаются своеобразные языковые элементы.

При анализе маркировок мы обратили внимание на способы маркирования, которые мы рассмотрим в дальнейшем более детально. До анализа эмпирического материала мы не обратили внимание на этот аспект, и в инструкциях задания мы не подчеркнули, какие маркировки информанту надо использовать. В картах «наивных» носителей языка, представленных в исследованиях Престона, информанты чаще всего маркировали кругами и

линиями (см. приложения 2 и 3)¹, и мы ожидали, что наши информанты сделают подобные маркировки, не учитывая возможность маркировать по-другому. Большинство наших информантов маркировали кругами и линиями, но встречались также кресты, точки и буквы. Информанты выполнили задание правильно – они следили за инструкциями. Однако мы считаем, что в инструкциях нужно было определить способы маркирования, потому что неясные инструкции могут смущать информанта. Проблема в том, что, с одной стороны, неясная инструкция может влиять на то, что информант маркирует или не маркирует на карте. Среди наших информантов появилась неуверенность способов маркирования, и при анкетировании некоторые информанты обсуждали, как маркировать зоны. Трудно сказать, являлось ли это причиной того, что только восемь из семнадцати информантов сделали маркировки на карте. С другой стороны, неунифицированные способы маркирования могут затруднять трактование маркировок. Таким образом, мы считаем, что наши инструкции были недостаточные. Однако в нашем исследовании трактование маркировок затруднялось в первую очередь не использованием разных способов маркирования, а метаязыковыми высказываниями.

Мы добавили к методу карты восприятий возможность рассказать более конкретно о языковых особенностях, встречающихся в зонах, маркированных информантами. Мы сделали так, потому что, как показывают карты Престона (см. фигуры 2 и 3), маркировки на карте сами по себе раскрывают очень мало языковых особенностей. Следствием, функцией комментариев являлось разъяснить маркировки. Оказалось, комментарии не помогли трактование маркировок, а наоборот – осложнили трактование. Обычно информанты делали маркировки, не отвечающие географическому расположению места, упомянутого в комментариях – в комментариях информанты упомянули конкретные места, как города и области (например, Москва и Ленинградская область), но в картах информантов зоны часто включают в себя целые области и части разных областей, краёв и республик. Например, информант №1 маркировал кругами и линиями места на карте, не полностью отвечающие упомянутые им местам – Череповец, Краснодарский край и регионы рядом с Украиной (см. фигура 1).

Кроме этого, информанты маркировали зоны, о которых они не написали ничего. На наш взгляд, зоны без комментариев очень трудно, даже невозможно, трактовать без

¹ Карты информантов с подобными маркировками представляются, в том числе, в книге *Perceptual dialectology: Nonlinguists' views of areal linguistics* (Preston 1989, 37-42)

дополнительной информации. Однако это рождает вопросы, например, если, на взгляд информантов, в этих регионах люди имеют своеобразные языковые особенности, почему они никак их не прокомментировали? Сделали ли они маркировки, потому что в этих регионах люди имеют своеобразные языковые элементы или потому что мы просили их сделать маркировки?

Вышеизложенное вызывает также другие вопросы, касающиеся использованного нами метода. С одной стороны, знает ли информант достаточно хорошо географию России, чтобы маркировать на карте те территории, в которых люди имеют, на его взгляд, своеобразные языковые особенности? Возможно, информанты маркировали ошибочно некоторые места на карте и поэтому маркировки не соответствуют комментариям. С другой стороны, с этим связана также аккуратность карты – содержит ли использованная в нашем исследовании карта достаточно деталей, чтобы информанты могли маркировать те места, которые они хотели? В методологической главе мы рассмотрели, что Престон встретил проблемы с детальностью использованными им картами (см. раздел 2.1.1). Как было представлено в методологической части, в первых картах Престона были только государственные границы, но такие карты были малоинформативные для информантов, чтобы маркировать диалектные границы на картах. Проблема была решена дополнительными деталями – на карты добавили границы штатов для ориентирования. С помощью этого большинство участников могли маркировать диалектные зоны, но появились также комментарии, что карты были еще недостаточно аккуратные (Preston 1989, 25). Следовательно, чем аккуратнее карта, тем больше можно получать ответов. При сборе материала для нашего исследования метод «карта восприятий» вызвал обсуждение среди информантов, касающееся детальности карты. Отсутствие названий мест смущало некоторых участников, некоторые информанты размышляли устно о расположении Украины на карте, и один информант прокомментировал, что европейская часть России могла бы быть более большой по масштабу и детальной. Престон сам пишет, что определение детальности достаточного уровня сложно, но предполагает, что на карту можно добавить крупнейшие реки, города и горы (Preston 1989, 25). Мы разделяем взгляд Престона и предполагаем, что на карту можно добавить, кроме вышеизложенных деталей, также соседние страны. Вероятно, с помощью данных добавлений и более четкими инструкциями мы могли бы получить больше ответов.

Маркировки информантов представляют собой интересный феномен о территориальном варьировании русского языка. Явно в России находятся места, в которых встречаются своеобразные языковые элементы, но, сравнивая маркировки с комментариями, мы находим

противоречие в том, где эти особенности встречаются. Таким образом, мы встретились с проблемой ненадежности. Представляется (Александров 2013, 53), что данные «наивных» подвергаются сомнению и критикуются за ненадежность – неуверенность о том, имеет ли говорящий в виду то, что он говорит, или в данном случае, имеет ли информант в виду то, что он обозначил на карте, или то, что он написал в комментариях. В дальнейшем мы рассмотрим более подробно метаязыковые высказывания.

4.3.2 Метаязыковые высказывания

Не все информанты делали маркировки на карте, а написали только комментарии на задании №1 – всего восемь информантов (всего шестнадцать информантов написали комментарии). В этом подразделе мы рассмотрим метаязыковые высказывания, написанные шестнадцатью информантами на задание №1 (один информант оставил это задание без маркировок и комментариев). Во-первых, мы представим метаязыковые высказывания информантов, сделавших комментарии на карте. Во-вторых, мы прокомментируем метаязыковые высказывания остальных информантов.

Информант №1 упомянул в комментариях города Череповец, Санкт-Петербург и Москву. Кроме этого, он упомянул Краснодарский край и регионы рядом с Украиной. Он характеризовал, что Череповце люди окают, а в Краснодарском крае и регионах рядом с Украиной буква *z* произносится как *x* и выделяют *a* и *я* в речи. В Санкт-Петербурге и Москве встречаются лексические особенности – “парадная”, “поребрик” и “пышка” в Санкт-Петербурге и “подъезд”, “бардюр” и “пончик” в Москве.

Информант №2 Написал на финском языке в зоне «А» (см. фигура 2) украинский язык влияет сильно на речь носителя языка. Кроме этого, он упомянул, что в Сибири «старый язык».

Информант №3 упомянул места «Север», «границы» и «Азия». Он характеризовал так, что в европейской и азиатской частях России произношение отличается друг от друга. Он написал, что на Севере встречаются грамматические особенности и характеризовал это так: “те люди, которые живут на севере, скорее всего не так хорошо пишут или читают, естественно и грамматика у них другая”. Кроме вышеизложенного, информант заметил также лексические особенности и характеризовал, что сленг на западе и севере отличаются друг от друга, и добавил, что в европейской части России употребляют слова, которые знакомы многим.

Информант №4 упомянул Москву и характеризовал, что в Москве речь говорящих звучит, как будто они жуют жевательную резинку. Кроме этого, он характеризовал на общем уровне, что

в разных местах люди говорят по-разному, и, например, произношение и темп речи отличаются. Также он написал, что он слышал диалекты и речь носителя того или иного диалекта была ему трудно понимать¹.

Информант №5 упомянул Москву, Санкт-Петербург, Сибирь и «хохлов». Он написал, что фонетическими особенностями этих мест являются »ч/ш» и »г/х». Это можно трактовать так, что во всех указанных городах и местах вместо ч произносится [ш] и г как [х]. Комментарий «хохлы» также интересен, потому что он разговорное название для украинцев. Таким образом, это не указание на место, а на этническую группу.

Информант №6 упомянул Карелию и Ростов. Он написал, что в Карелии люди говорят быстро и в Ростове к произносится как х. Восприятие информанта, касающееся Ростова интересно, потому что мы не встречали такой лингвистический феномен в русской лингвистике. Мы рассмотрели в третьей главе, что в диалектах южного наречия и просторечии (именно в просторечии-1) встречаются произношение х вместо г. Также некоторые информанты упомянули именно это языковое явление (х вместо г). Возникает вопрос, написал ли информант ошибочно к, но имел в виду г? Престон предполагает, что языковая информация, в данный момент неизвестный лингвистике, может позже оказаться правильной (Preston 2018b, 376). Может быть, информант ошибается, и имеет в виду х вместо г, или он заметил пока новую для лингвистики языковую особенность.

Информант №7 упомянул Ленинградскую область, Москву, Санкт-Петербург и регионы рядом с Украиной. Он написал, что Ленинградской области произношение намного жестче, чем в Москве или на юге около Украины. Он также привел примеры »Чё – Шё» (что) и »булочная – булошная». Санкт-Петербург он характеризовал так, что слова могут иметь чуть другое значение, чем, например, в Москве и привел примерные слова »парадная» и »поребрик».

Информант №8 назвал место, маркированное им на карте, пунктом «А» (см. фигура 8). Он написал, что не заметил значительной разницы в речи говорящих, но в пункте «А» люди используют некоторые разговорные слова больше, чем в других местах, где он бывал.

В дальнейшем мы рассмотрим комментарии информантов, не сделавших маркировки на карте.

¹Информант ответил на финском языке »Välillä olen kuullut murteita» ('Иногда я слышал диалекты', перевод наш – Й.Л.). Таким образом, в этом контексте термин «диалект» не имеется в виду то, как он понимается в русской диалектологии.

Информант №9 написал, что он представляет, что в более северных частях России и центральной России говорят чуть более старый язык, чем в части России, находящейся ближе к Европе, где язык более современный и в которых используют больше сленга. Комментарии интересные, но их трудно трактовать без дополнительной информации. Содержание терминов основываются на субъективном взгляде, но информант не раскрыл, что он имел под этим в виду. Например, где находятся более северные части России, к северу от чего? Или что включает в себя более старый язык?

Информант №10 не упомянул места, где встречаются своеобразные языковые особенности, но написал, что речь русских мусульман более грубая и произношение различается ”диалектно”.

Информант №11 написал, что был в Санкт-Петербурге и Москве и в этих местах язык особо не отличается. Он продолжил, что в Москве слова пытаются сократить и облегчить, но в СПб не так сильно. Кроме этого, информант считает, что язык в разных городах отличается и Азия и Украина влияют на города, находящиеся рядом с ними. Это мы трактуем так, что в городах, находящиеся в пограничных зонах между Россией и Украиной и странами Азии, речь жителей имеют влияние языков, на которых говорят в вышеупомянутых странах. Он еще написал, что не заметил лексические разницы, но считает, что они есть.

Информант №12 написал, что не имеет никакого представления о том, где встречаются языковые особенности. Он продолжил, что, когда встречал людей из разных городов, он не замечал особых отличий. Однако в пункте «Лексические» он написал, что в республике Татарстана встречаются заимствования из татарского языка.

Информант №13 ответил в комментариях, что знает, что диалектная разница¹ есть, но не может привести примеры. В пункте «Фонетические» он все-таки прокомментировал, что в разных местах России произношение отличается и продолжил, что слова говорят мягче, но не уточнил, где именно.

Информант №14 упомянул три места – Сортавала, Петрозаводск и Санкт-Петербург. Сортавалу он характеризовал так, что в ней люди говорят очень медленно и ясно и объяснил, что говорящие в Сортавале ставят гласные под ударение так, что это замедляется их речь². Он продолжил, что в этом городе встречаются фонетические и лексические особенности, но не

¹ Информант написал на финском языке ”murre-eroja”. Так как финский термин *murre* (диалект) отличается от русского варианта, это следует понимать, на наш взгляд, как варьирование языка.

² Информант написал на финском языке ”Painotus vokaaleissa Sortavalassa, jonka vuoksi puhe hidastuu” (’Ударение в гласных в Сортавале, из-за которой речь замедляется’, перевод наш – Й.Л.).

уточнил какие. О Петрозаводске информант написал, что буква *о* иногда произносится как *а*, чаще чем в СПб или Сортавале. Это интересный языковой феномен, но, к сожалению, информант не привел примеры, в каких случаях *о* произносится в Петрозаводске как *а*, но в СПб и Сортавале как *о*. Информант характеризовал СПб так, что в нем встречаются лексические особенности, в том числе сленговые слова. Он также добавил, что жители города говорят быстро. Нам было интересно узнать, что кроме вышеизложенного, информант обратил внимание на связь использования языка с ситуативностью – он написал, что в каких-то местах, например, в музее говорят более грамотно.

Информант №15 написал, что не очень хорошо разбирает отличия в русской речи, но продолжил, что москвичи немного тянут слова.

Информант №16 ответил в комментариях, что на севере и юге России речь людей немного отличается, но считает, что в целом особого отличия уже нет нигде.

Кроме изложенных выше языковых особенностей, информанты упомянули еще особенность, которая не была написана в анкетах. Во время анкетирования студенты начали размышлять о территориальном варьировании русского языка устно, и один информант сказал, что в Петрозаводске ресторан McDonald's называется «Макдак»¹. Это было интересное замечание, потому что на основе этого высказывания, возникло интенсивное обсуждение этого названия, и тогда один информант пояснил, что «Макдак» является названием бывшего ресторана, работавшего в Петрозаводске, а не указанием на американскую сеть ресторанов быстрого питания.

В дальнейшем мы рассмотрим метаязыковые высказывания с точек зрения *доступности*, *детальности* и *точности*. Комментарии информантов показывают, что разные языковые особенности проникают в их языковое сознание. Рассматривая восприятия с точки зрения *доступности*, мы можем заметить, что восприятия касаются, как и фонетических, лексических, так и грамматических особенностей. Интересно, некоторые информанты упомянули, например, произношение *х* вместо *г* и *ш* вместо *ч*. В области лексики информанты дали многие конкретные примеры, например, в СПб встречается слова "пышка", и в Москве "пончик". Грамматическими особенностями информанты упомянули, например, оканье в Череповце и сильное ударение в словах в Сортавале.

¹ С помощью веб-браузера Google нам удалось выяснить, что в Петрозаводске работало кафе «Mak Dak».

Рассматривая восприятия с точки зрения *детальности*, мы обратили внимание: комментарии показывают, что информанты могут дать очень подробные и точные ответы. Как мы рассмотрели выше, информанты написали очень точные и конкретные примеры, например, произношение *х* вместо *г* или *ш* вместо *ч*. Также информанты могли характеризовать довольно точно лингвистические действия, например, "окают" (это уже научно-лингвистический термин) и "тянут слова". Кроме этого, информанты написали также комментарии, являющиеся с точки зрения *детальности* неспецифическими. Например, один информант, ответил, что знает, что диалектная разница есть, но не может привести примеры. Этот ответ неспецифический, потому что, он включает в себя смысл о том, что территориальная разница есть, но он не раскрывает, какая разница есть и где она встречается. Также информанты использовали неспецифические термины, содержание которых останется без дополнительной информации неизвестным, например, "старый язык". Это касается также названия зон – информанты упомянули конкретные места как "Москва" или "Сортавала", но также использовали более абстрактные – неспецифические названия как "Север" или "Центральная Россия". Кажется, что самые подробные восприятия касаются тех территорий, в которых информанты проводят время в России – территории в европейской части России. Согласно этому, восприятия, касающиеся других мест в России, являлись более неспецифическими.

С точки зрения *точности* восприятия информантов оказываются интересными. В третьей главе мы рассмотрели подсистемы русского языка. В подразделе 3.4 мы рассмотрели, что социолекты – совокупность языковых особенностей – слова, словосочетания и синтаксические конструкции, обслуживающие коммуникативные потребности какой-либо социальной группы. Также в городе формируется речевой код – общегородский жаргон, который включает в себя, например, неофициальные названия городских объектов. Как мы представили выше, при анкетировании информанты интенсивно обсуждали термин «макдак» и, на наш взгляд, в данном случае речь идет об общегородском жаргоне, потому что они связывали его именно с Петрозаводском.

Самыми интересными языковыми особенностями с точки зрения *точности*, упомянутыми информантами, являются диалектные элементы. Мы представили выше, что один информант упомянул, что в Череповце люди "окают", а также некоторые информанты упомянули произношение *х* вместо *г*. В третьей главе мы рассмотрели подсистемы русского языка – территориальные диалекты и просторечие (см. подразделы 3.3 и 3.2). В подразделе 3.3 мы представили, что русские диалекты разделяются на два большие наречия – на северное и южное наречия, особенностями которых являются, например, оканье и произношение [γ]

вместо *г*. В подразделе 3.2 мы рассмотрели, что в просторечии (именно в просторечии-1) встречаются языковые черты диалектного происхождения. Мы также выяснили, что носителями просторечия-1 и диалектов являются преимущественно женщины старшего поколения. Таким образом, информанты упомянули диалектную языковую особенность, входящую в северное наречие (оканье) и диалектную языковую особенность, входящую в южное наречие (произношение *х* вместо *г*). Восприятия интересные, потому что, представляется, что экстралингвистические факторы – отрицательная языковая политика к диалектам при социализме и социально-демографические изменения как, например, урбанизация сельского населения привели диалекты к ”порогу исчезновения” (Вендина 2016: 425-426). Комментарии информантов поддерживают взгляд, что диалектные черты сохраняются в современном русском языке, но, к сожалению, комментарии не раскрывают ничего о носителях этих особенностей. Информанты назвали те места, в которых диалектные черты встречаются, но не прокомментировали, встречаются ли их в речи всех социальных групп в данных местах или являются они языковыми особенностями только старшего поколения.

В комментариях один информант упомянул также новую для лингвистики языковую особенность. Информант №6 упомянул, что в Ростове *к* произносится как *х*. С одной стороны, мы подозреваем, что информант ошибочно написал так и имел в виду *г* вместо *к*, потому что в русской лингвистике мы не встречали подобное языковое явление, но, с другой стороны, возможно, что информант имел в виду то, что написал. Проблема в том, что мы не можем проверить у информанта, как трактовать его ответ правильно.

Подобная проблема касается также мест, названных информантами. Информанты написали точные названия как Ростов или Санкт-Петербург, но некоторые названия являлись более абстрактными, например, ”Центральная Россия” или ”регионы рядом с Украиной”. Хотя такие названия указывают на определенную территорию, но название само по себе не раскрывает, где, на взгляд информанта, находится центральная часть России или какие территории входят в регионы рядом с Украиной. Несмотря на это, комментарии позволят нам делать выводы о территориальном варьировании русского языка.

В дальнейшем мы представим места, в которых встречаются своеобразные языковые особенности. Информанты упомянули следующие города: Москва, Санкт-Петербург, Петрозаводск, Сортавала, Ростов и Череповец. Информантами были упомянуты следующие федеральные субъекты: Татарстан, Карелия, Ленинградская область и Краснодарский край. Другими местами информанты упомянули следующие территории: центральная Россия,

азиатская часть, Азия, европейская часть, север, юг, запад, Сибирь. Многие вышеизложенные места были упомянуты только одним информантом, но некоторые места были упомянуты больше, чем один раз – Москва, Санкт-Петербург, регионы рядом с Украиной, Сибирь, север и Азия. Хотя все комментарии о варьировании языка – упомянутые места и языковые особенности – основываются на субъективном взгляде, комментарии показывают, что не везде в России говорят одинокому, а встречается территориальное варьирование русского языка. В пользу этого говорит то, что можно найти сходство между некоторыми комментариями – некоторые языковые особенности и места были упомянуты не только одним информантом, а многими, что, на наш взгляд, укрепляет надежность восприятий. В целом комментарии информантов рисуют интересную «наивную» лингвистическую карту о территориальном варьировании русского языка.

Итак, метаязыковые высказывания информантов дают нам интересную информацию, касающуюся территориального варьирования русского языка. Изучение показало, что информанты обращают внимание на разные аспекты в языке – на фонетические, грамматические и лексические аспекты. Информанты могли делать очень точные и подробные замечания о языке, и нам показалось, что языковые особенности являются более точными в таких случаях, когда они касаются тех мест, которых информанты проводят время в России, и соответственно, восприятия являются более неспецифическими, когда они касаются мест, где информанты проводят меньше времени в России. Также нам было особенно интересно выяснить, что информанты упомянули диалектные языковые элементы, которое значит, что они сохраняются в современном русском языке. В целом комментарии информантов раскрывали интересную «наивную» лингвистическую карту о территориальном варьировании русского языка – разные места и их своеобразные языковые особенности. В дальнейшем мы рассмотрим, на чем восприятия информантов основываются.

4.3.3 На чем основываются восприятия?

Мы рассмотрели во второй главе, что восприятия информантов основываются иногда на школьном обучении. Чтобы проверить, что восприятия информантов не были повторением школьного обучения, мы попросили информантов при первом задании пояснить, на чем основываются их восприятия, касающиеся русского языка. Результаты представлены ниже (см. фигура 9).

Фигура 9. **Основа восприятий**

В первом задании (задание №1) мы попросили информантов поставить галочку в пункте, который лучше всего характеризует основу восприятий. Пунктами выбора явились *свой личный опыт*, *общее представление* и *другое, что?*. Также мы попросили информантов рассказать более конкретно о своем выборе. Из тех, кто выбрал пункт *свой личный опыт* (десять информантов), восемь рассказали более конкретно, на что их личный опыт основывается. Из этих восьми информантов пять сообщили, что их восприятия основываются на путешествии в указанных местах. Два из этих восьми информантов сообщили, что их восприятия основываются на медиа или социальных медиа: один из этих двух информантов конкретизировал, что его восприятия основываются на ТВ-программах и фильмах. Из тех, кто выбрал пункт *общее представление/восприятие/общая оценка* (семь информантов), все комментировали свой выбор: двое выбрали социальную медиа или медиа и один из этих двух участников сообщил, что его восприятия основываются также на путешествии в указанных местах. Подобные комментарии написали два других участника: один написал, что жизнь в Санкт-Петербурге влияет на его восприятия, а другой написал, что то, что его родственники рассказывают, влияет на его восприятия. Он также добавил, что он узнает, "либо читая", "смотря телевидение" или "в университете" своеобразные языковые элементы. Один информант сообщил, что русская рэп-музыка влияет на его восприятия. Два информанта выбрали пункт *другое (что именно?)*. Из этих двух участников один сообщил, что его

восприятия основываются на ТВ-программах, а другой ответил, что его восприятия основываются на рассказах преподавателя.

Как показывают ответы информантов, представленных выше, восприятия являются «наивными» - не основывающимися на обучении лингвистическому знанию. Чаще всего основой восприятий является личный опыт, но, как показывают результаты, также медиа и музыка влияют на восприятия информантов. Хотя восприятия можно считать «наивными», надо обратить внимание на то, что некоторые информанты ответили, что часть из их восприятий основываются уже на университетском обучении. На наш взгляд, это свидетельствует о важности выяснения основы восприятий при исследовании.

4.4 Проблемные зоны нашего исследования

При анкетировании и анализе возникли проблемы, которые мы рассмотрим в этом подразделе. Эти проблемные зоны касаются структуры анкет и анализа материала. Мы старались формировать вопросы так, чтобы их было информантам легко читать и понимать, но, при анкетировании оказалось, что некоторые слова и вопросы были не всем понятны. Например, один информант спросил значение слов «сельская местность» и «преимущественно». Другая проблема касается формы вопросов, так как один информант попросил, что в вопросе №7 имеется в виду.

В разделе «Маркировки на картах» мы уже рассмотрели некоторые проблемы, касающиеся использованного нами метода «карта восприятий». Инструкции были недостаточно четкие, так как некоторые информанты обсуждали, как обозначить зоны на карте. Также заполнение задания некоторым информантам затрудняло отсутствие названия и маркировок городов/мест на карте, которое может говорить о том, что карта была недостаточно детальная.

Вышеизложенные проблемы могли влиять на то, что информанты оставили некоторые вопросы без ответа. Ниже мы представим таблицу, показывающую процентную долю ответов на вопросы¹ (см. таблица 2). Как таблица показывает, информанты активно ответили на вопросы и анкетирование в целом явилось удачным – информанты ответили почти на 98% из вопросов. Однако вопрос №9 оказался проблематичным и оставался чаще других без ответа.

¹ Если информант не писал ничего или не делал никакой маркировки на вопрос, мы трактовали, что он оставил вопрос без ответа. Таким образом, мы включили в ответы и те комментарии, в которых информант маркировал только прочерк (–). В таблицу включены только вопросы и задания, рассмотренные в настоящей работе.

На основе комментариев, написанных в конце анкет (см. приложение 4) мы не смогли найти объяснение тому, почему именно этот вопрос многие информанты оставили без ответа. Большинство комментариев касалось заданий в анкетах.

Таблица 2. Процентная доля ответов на вопросы

Вопрос	Ответы	Процент
1	17/17	100,0
2	17/17	100,0
3	17/17	100,0
4	17/17	100,0
5	17/17	100,0
6	17/17	100,0
7	17/17	100,0
8	17/17	100,0
9	14/17	82,4
10	17/17	100,0
Задание №1	16/17	94,1
Всего	183/187	97,9

Как мы рассмотрели выше, с точки зрения информанта, наши анкеты и вариант метода карты восприятий имели структурные проблемы. Также с точки зрения исследователя использованная нами методология оказалась не беспроблемной. До сбора эмпирического материала мы заметили, что метод карты восприятий не достаточный для достижения цели настоящей работы. Как мы рассмотрели в методологической части работы, маркировки на картах сами по себе раскрывают довольно мало, слабо знаний информантов о языковых особенностях, встречающихся в той или иной зоне. Поэтому мы попросили информантов

характеризовать эти языковые особенности. Оказалось, наше решение не всегда действовало так, как мы планировали. Как было представлено в разделе «наивная» лингвистическая география, комментарии раскрывали языковые особенности, но возникли также новые вопросы. Например, некоторые информанты упомянули, что в Сибири говорят на «старом языке». Это интересный комментарий, но без дополнительной информации нам очень трудно трактовать, что информант на самом деле имеет в виду под «старым языком». Кроме этого, были упомянуты места, не отвечающие маркировки на картах. Таким образом, нам удалось получить ту информацию, которую мы попытались получить с помощью комментариев, но одновременно они затрудняли трактование метаязыковых высказываний о том, где упомянутые языковые элементы встречаются.

Итак, мы встретили в нашем исследовании «классические» проблемы анкетирования – вопросы без ответа. Также мы можем частично разделять критику, представленную к народной лингвистике и использованной в ней методологии. В ответах информантов мы встретили ненадежность – неуверенность, имеет ли информант в виду то, что он написал, или то, что он маркировал.

На наш взгляд, проблем, рассмотренных нами выше, можно избежать с помощью некоторых средств: 1. провести пилотное исследование, с помощью которого можно рассмотреть, какие вопросы будут использоваться в исследовании и какие ответы с помощью данных вопросов можно получить. 2. обеспечить присутствие исследователя в анкетировании, чтобы информанты могли спросить, если им некоторые вопросы и слова непонятны, 3. добавление деталей в метод карты восприятий, 4. также к подобному исследованию можно или нужно добавить интервью, с помощью которого исследователь может после анкетирования проверить, что информант имеет в виду под определенным термином или маркировкой.

4.5 Выводы

В настоящей главе мы рассмотрели эмпирический материал, собранный нами. Во-первых, мы представили метод сбора материала – структуру наших социолингвистических анкет и ход сбора материала, восприятия информантов, касающиеся русского языка. Потом мы рассмотрели нашу фокус-группу и связь ее участников с теоретическим знанием русского языка и пришли к выводу, что наших информантов можно считать «наивными» носителями языка, словом, подходящими для народнолингвистического исследования. В разделе *«Наивная» лингвистическая география* мы изучали восприятия информантов, касающиеся

территориального варьирования русского языка. Рассмотрение показало, что разные языковые особенности проникают в их языковое сознание – как фонетические, лексические, так и грамматические особенности. Информанты дали точные описания тех регионов, в которых они преимущественно проводят время в России. Согласно этому, восприятия, касающиеся регионов, в которых они не проводят время, явились более неспецифическими.

Также мы выяснили, на чем восприятия информантов основываются. Результаты рассмотрения основы восприятий поддерживают вывод о «наивности» информантов, представленный выше. Восприятия основываются чаще всего на личном опыте. Рассмотрение показало, что кроме личного опыта музыка и медиа влияют на восприятия. Однако некоторые информанты ответили, что их восприятия частично основываются на том, что им рассказали в школе и университете. На наш взгляд, это подчеркивает важность выяснения основы восприятий. Вероятно, обучение влияет еще сильнее на восприятия студентов поздних курсов и, может быть, влияние такое сильное, что восприятия этих студентов не могут больше считаться «наивными».

При анализе эмпирического материала мы также заметили некоторые проблемы, касающиеся нашего исследования. В разделе «проблемные зоны нашего исследования» мы выяснили, что наши социолингвистические анкеты имели структурные проблемы, проявившиеся, например, в трудностях информантов понять цели некоторых предложений и использованных в них термины. Однако мы считаем, что проблем, появившихся в нашем исследовании, можно, по крайней мере частично, избежать с помощью добавления пилотного исследования и метода интервью перед исследованием.

Несмотря на трудности, представленных выше, нам удалось раскрыть языковое сознание наших информантов и получить информацию о том, как и где русский язык варьируется с точки зрения «наивных» носителей языка.

Наше исследование концентрировалось на изучении территориального варьирования языка. Престон сам представляет в своей статье, что народная диалектология включает в себя, кроме изучения территориального варьирования языка (территориальная народная диалектология), научное направление, изучающее, например, влияние социальных факторов на восприятия (социальная народная диалектология) (Preston 2018a, 17, 24-27). Некоторые информанты упомянули социальные группы – “хохлы” и “русские мусульмане”. На наш взгляд, это говорит за то, что в языковом сознании наших информантов язык не ограничен только варьированием территориальным, а своеобразные языковые элементы встречаются

также в разных социальных группах. С помощью добавления данного аспекта мы можем углубить исследование, касающееся не только территориального варьирования языка – где языковые особенности встречаются, а также социального варьирования языка – в чьей речи эти языковые особенности встречаются. Вероятно, в зонах, обозначенных и упомянутых информантами, население не гомогенное, а встречаются разные социальные группы со своими языковыми особенностями. Поэтому в будущих исследованиях территориального варьирования языка к изучению той или иной проблематики следует добавить социальнолингвистический аспект.

Заключение

Задачей настоящей дипломной работы было выяснить, как варьируется русский язык в России в метаязыковом сознании «наивных» носителей языка – в данном случае студентов, учащихся в университете города Тампере. Мы предполагали, что в восприятиях информантов, участвовавших в нашем исследовании, встречаются своеобразные языковые особенности из разных регионов России и надеялись, что среди этих особенностей обнаружатся диалектные элементы. Кроме этого, мы попытались проверить «наивность» информантов.

В первой главе мы рассмотрели теоретическую основу настоящей работы. Как было представлено, наше исследование относится к подкатегории народной лингвистики, изучающей территориальное варьирование языка – территориальной народной диалектологии. Данную подкатегорию мы рассмотрели через определение главных для настоящей работы понятий – «народ», «языковое сознание» и «метаязык». При рассмотрении мы выяснили, что фундаментальный вопрос в народной диалектологии – изучение взглядов именно непрофессиональных лингвистов, однако оказалось, что в народнодиалектологических работах, рассмотренных нами, авторы имели несходный взгляд на то, кто считается «наивным» носителем языка. Мы пришли к выводу, что при исследовании важно выяснить связь информанта со степенью знания им лингвистической теории и также основу восприятий. Объектом народнодиалектологического исследования является языковое сознание – представления и восприятия о языке, которые можно рассматривать с разных точек зрения. Было представлено, что восприятия рассматриваются на микро- и макролингвистическом уровнях, из которых микролингвистический уровень рассматривает варьирование языка более детально, например, какие языковые элементы отличают диалект от стандартной формы языка, между тем как макролингвистический уровень рассматривает на общем уровне варьирование языка, например, мы рассмотрели в разделе 2.1.1, что Престон выяснял с помощью метода «карта восприятий» диалектные границы в США, не обращая внимание на то, как эти диалектные зоны отличаются друг от друга или от стандартной формы языка. Также было представлено, что восприятия, касающиеся микролингвистического уровня, можно рассмотреть с четырех точек зрения, из которых релевантными для настоящей работы являлись *доступность* (что проникает в языковое сознание), *точность* (как это соотносится с лингвистическим знанием) и *детальность* (насколько детальными или неспецифическими являются восприятия). Для изучения восприятия информантов надо

анализировать метаязыковые высказывания – устную или письменную форму речи, с помощью которой информант описывает свои взгляды о языке.

Во второй главе мы рассмотрели методологию народной лингвистики и более подробно методы, использованные в настоящей работе. Методы народной лингвистики разделяются на прямые и непрямые подходы – в прямом подходе у информанта спрашивают прямо то, что хотят узнать, например, при желании узнать, что информант считает диалектом, исследователь спросит у информанта, что он считает диалектом. В непрямом подходе информант не обязательно знает, что исследователь изучает в его ответах. Методы – карта восприятий и анкетирование, использованные нами – относятся к прямому подходу. При рассмотрении метода «карта восприятий» мы выяснили, что макролингвистический уровень раскрывает очень мало сведений о языковых особенностях, встречающихся в зонах, маркированных информантами на карте. Поэтому мы попросили информантов характеризовать языковые особенности, встречающиеся в зонах, маркированных ими на карте. Кроме карты восприятий, мы рассмотрели более подробно социолингвистические анкеты, их преимущества и проблемные зоны. Было выяснено, что с помощью анкет можно собрать относительно быстро большое количество материала и исследователь влияет мало на то, что информанты отвечают на вопросы. Однако одна из проблем анкетирования в том, что информанты могут оставить вопрос без ответа. После рассмотрения карты восприятий и социолингвистических анкет мы представили, какие комбинации этих методов использовали другие авторы в народнолингвистической исследовании.

Третья глава была посвящена рассмотрению подсистем русского языка, в которой были представлены языковые характеристики и социальная база каждой подсистемы – литературный язык, просторечие, территориальные и социальные диалекты. Литературный язык – стандартная форма русского языка и единственная форма, регулируемая языковыми нормами и фиксируемая словарями и справочками. Носитель литературного языка отвечает трём критериям – человек, у которого русский язык является родным. Кроме этого, он большую часть (или всей) своей жизни живет в городе и имеет высшее или среднее образование с преподаванием всех предметов на русском языке. Просторечие – разновидность русского языка, включающая в себя лингвистические средства за пределами литературной нормы. Его носителем является житель, обладающий низким уровнем образования и не владеющий нормами литературного языка. Территориальные диалекты вместе с литературным языком являются основными разновидностями русского языка, имея свои фонетические и грамматические системы. Мы также рассмотрели, что диалекты разделяются

на два больших наречия – северное и южное и представили их языковые особенности. С социальной точки зрения, территориальные диалекты выступают средством общения сельского населения, преимущественно крестьян старшего поколения. Последняя подсистема – социальные диалекты, или социолекты, включают в себя слова, словосочетания и синтаксические конструкции, используемые той или иной социальной группой.

Четвертая глава представил собой анализ эмпирического материала, собранного нами. В начале главы был представлен метод сбора материала – структура социолингвистических анкет, использованных нами для сбора эмпирического материала и ход сбора материала. Затем мы перешли к изучению нашей фокус-группы и рассмотрели вопросы, касающиеся социальных факторов и связи информантов с теоретическим знанием русского языка и живой русской речью. Рассмотрение показало, что наша фокус-группа – гетерогенная группа, члены которой изучали теорию (те или иные аспекты) русского языка при в процессе обучения, но, согласно взглядам упомянутых в первой главе исследователей, обучение теории языка в школе, гимназии и университете еще не делает информанта профессиональным лингвистом. Также мы хотели выяснить их интерес к чтению о состоянии современного русского языка, и оказалось, что они не читают активно ту или иную литературу о состоянии современного русского языка. Таким образом, мы пришли к выводу, что наши информанты подходят для народнолингвистического исследования.

Проверив, что наши информанты – «наивные» носители языка, мы рассмотрели ответы информантов на задание №1. В этом задании мы попросили информантов, во-первых, маркировать на карте России те зоны, в которых встречаются своеобразные языковые элементы. Из семнадцати информантов восемь сделали маркировки. Эти информанты маркировали на карте кругами, крестиками и линиями разные зоны, в которых встречаются своеобразные элементы. Во-вторых, мы попросили информантов охарактеризовать эти особенности в комментариях. Это породило неожиданные результаты. Функция комментариев была поддержать трактование маркировок и объяснить их, но очень часто комментарии касались мест, немаркированных на карте. Таким образом, комментарии действовали против их цели и вместо уточнения они затрудняли наше трактование. Ответ на вопрос – где встречаются своеобразные языковые элементы в России, зависит от того, смотрим ли мы маркировки на картах или комментариях.

Рассматривая территориальное варьирование русского языка на основе маркировок, мы видим, что своеобразные языковые элементы встречаются во всей России. Всего семь информантов сделали маркировки на азиатской части России. Информанты обозначили зоны

в Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Зоны были обозначены также в европейской части России. Информанты маркировали зоны в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Южном и Северо-Кавказском федеральных округах. Оказалось, что особенно в азиатской части России встречаются своеобразные языковые элементы.

Рассматривая территориальное варьирование русского языка на основе комментариев, мы пришли к выводу, что своеобразные языковые элементы встречаются в следующих местах – информанты упомянули точные названия мест городов и федеральных субъектов России. Из городов были упомянутыми: Москва, Санкт-Петербург, Петрозаводск, Сортавала, Ростов и Череповец. Из федеральных субъектов: Татарстан, Карелия, Ленинградская область и Краснодарский край. Другими местами были упомянутыми следующие: Центральная Россия, азиатская часть, Азия, европейская часть, север, юг, запад и Сибирь. Из этих мест некоторые места были упомянуты больше, чем один раз – Москва, Санкт-Петербург, регионы рядом с Украиной, Сибирь, север и Азия.

Кроме вышеизложенного, мы рассмотрели метаязыковые высказывания информантов с точки зрения *доступности, детальности и точности*, мы выяснили, что в языковое сознание информантов проникают разные аспекты языка, как фонетические, грамматические, так и лексические особенности. Информанты упомянули очень подробные языковые элементы, именно в таких случаях, когда восприятия касаются мест, где они проводят время в России. Согласно этому, информанты упомянули также неспецифические языковые элементы. Из языковых особенностей, упомянутыми информантами самыми интересными для нас являлись комментарии, касающиеся диалектных элементов. Нам было интересно заметить, что некоторые информанты упомянули диалектные особенности северного и южного наречий (оканье и произношение *х* вместо *з*). На наш взгляд, это говорит о том, что диалекты, по крайней мере, в какой-то степени являются частью системы современного русского языка и фиксируются даже русскоязычных, живущих вне России.

Основой восприятий информантов является преимущественно личный опыт, но некоторые информанты упомянули, что часть их восприятий основывается на школьном или университетском обучении. По нашему мнению, это свидетельствует о важности учитывать в народнолингвистическом исследовании аспект «наивности» - выяснение связи информанта с лингвистической теорией и основой восприятий.

В конце аналитической части работы были представлены проблемные зоны нашего исследования. При сборе материала оказалось, что значение некоторых терминов и структуры

некоторых вопросов, использованных в наших социалингвистических анкетах, являлись некоторым информантам непонятными. Также нам было иногда трудно трактовать, что информант имел в виду под своими маркировками и комментариями. В настоящей работе мы встретили «классические» проблемы анкетирования – вопросы без ответа и невозможность проверить, что информант хотел со своим комментарием сказать. Однако, на наш взгляд, подобных проблем можно избегать. Мы предполагаем, что в методологию, использованную в нашей работе, должно добавить пилотное исследование и интервью, с помощью которых мы можем проверить, какие термины и структуры вопросов действуют и проверить последовательно, что информант имел под своими комментариями в виду. Также мы считаем, что особое внимание следует обратить на детальность инструкции именно в ходе выполнения заданий, чтобы информанту было понятно, как выполнить задание.

Итак, наше исследование попыталось раскрыть языковое сознание студентов, обучающихся в университете г. Тампере – русскоязычных, живущих в Финляндии. Мы предполагаем, что народная лингвистика может много дать в области изучения метаязыкового сознания как части общекультурной и социалингвистической компетенции не только финнороссов, но русскоязычных в целом. Изучение взглядов «наивных» носителей русского языка о языке может увеличивать наше понимание процессов, происходящих в русскоязычных сообществах, а также функционирования и структурирования метаязыкового знания о русском языке в таких сообществах вне России. Настоящая работа концентрировалась на изучении территориального варьирования русского языка в России, но в будущих исследованиях можно учитывать также другие аспекты народной лингвистики. Мы считаем, что изучение предмета данной работы можно углубить в дальнейшем исследовании способами, представленными в выводах аналитической главы. Также в наших социалингвистических анкетах есть еще материал, касающийся других аспектов, не рассмотренных в настоящей работе. Например, задание №2 (см. приложение 4) касается способности информанта опознать жаргонные, диалектные и разговорные слова, но ответы информантов на это задание не были проанализированы в настоящей работе, так как этот аспект не входит в предмет нашего настоящего исследования. Однако в дальнейшем исследовании это был бы интересный объект для изучения. С помощью данного аспекта можно попытаться выяснить, например, как «наивные» носители языка распознают разные подсистемы русского языка, но также и то, как они понимают разные лингвистические термины, так как мы рассмотрели в методологической главе, что не-лингвисты используют лингвистические термины, но их содержание может отличаться от научного варианта.

Литература

- Адамия, З. К. 2014. "Просторечие как компонент в лексике кодифицированного языка и его отражение в толковых словарях". *Проблемы истории, филологии, культуры* по. 3: 250-252.
- Александров, О. А. 2013. "Диалектология восприятия: Инновации в зарубежной лингвистике". *Вестник иркутского государственного лингвистического университета* по. 3 (24): 52-57.
- Беликов, В. И. и Крысин, Л. П. 2001. *Социолингвистика*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
- Бондаренко, Е. Д. 2017. "Диалектные различия в языковом сознании жителей русского севера (на материале оппозитивных контекстов)". *Известия УРФУ. Серия 2. Гуманитарные науки*, том 19, по. 4 (169): 47-62.
- Булатова, Л. Н. 1975. "Перфектные формы в одном русском говоре Карельской АССР (к вопросу о грамматических значениях причастий в функции сказуемого в русских говорах)." В кн. *Русские говоры: к изучению фонетики, грамматики, лексики*. Под ред. Л. Л. Касаткина, Е. В. Немченко (отв. ред.) и Т. Ю. Строгановой. Москва: «Наука», 189-202.
- Вендина, Т. И. 2016. "Русские диалекты в современной этноязыковой и этнокультурной ситуации". *Славянский мир в третьем тысячелетии* по. 11: 425-440.
- Галкина-Федорук, Е. М., Горшкова, К. В. и Шанский, Н. М. 2016. *Современный русский язык: лексикология, фонетика, морфология: учебное пособие*. Изд. 4-е. Москва: ЛЕНАНД.
- Головко, Евгений Васильевич 2014. "«Народная лингвистика» как объект исследования". *Антропологический форум* по. 21: 9-16.
- Егорова, С. С. 2011. "Судьба русского просторечия (по материалам исторических словарей)". *Проблемы истории, филологии, культуры* по. 3: 381-387.
- Козлова, Р. П. и Холодкова, М. В. 2009. "Общерусские просторечные признаки в живой речи г. Тамбова". *Филологическая регионалистика* по. 1-2: 96-98.
- Крысин, Л. П. 2003. "Формы существования (подсистемы) русского национального языка." В кн. *Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация*. Отв. ред. Л. П. Крысин. Москва: Языки славянской культуры, 33-77.
- Крысин, Л. П. 2013. "Специальный термин в русском просторечии". *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология* по. 8 (109): 75-85.
- Кудинова, Т. А. 2009. "Просторечие как лингвистический феномен: динамика понятия". *Научная мысль Кавказа* по. 4: 135-138.
- Лопухина, Анастасия 2014. "«Хуже нашей говори нет» vs Говор чистой только у нас»: изменение отношения носителей диалекта к своей речи". *Антропологический форум* по. 21: 100-108.
- Мизюрина, Т. В. 2013. "Определение и общие характеристики понятия «сленг», его роль в языке и культуре современной России". *Вестник челябинского государственного университета* по. 1 (292), Филология. Искусствоведение. Вып. 73: 106-111.
- Пауфощима, Р. Ф. 1975. "О темпе речи в некоторых русских говорах." В кн. *Русские говоры: к изучению фонетики, грамматики, лексики*. Под ред. Л. Л. Касаткина, Е. В. Немченко (отв. ред.) и Т. Ю. Строгановой. Москва: «Наука», 146-152.
- Пожарицкая, С. К. 2005. *Русская диалектология*. Москва: Академический проект: Парадигма.
- Протасова, Е. Ю. 2004. *Феннороссы: жизнь и употребление языка*. Санкт-Петербург: «Златоуст».

- Соломина, Е. В. 2016. "О стилиевой дифференциации речи носителя городского просторечия". *Сибирский филологический журнал* no. 2: 134-143.
- Теплова, В. Н. 1987. "О склонении существительного мышь в говорах русского языка." В кн. *Русские диалекты: лингвогеографический аспект*. Под ред. Р. И. Аванесова и О. Н. Мораховской Москва: Наука, 129-142.
- Титова, Е. В. 2009 "О стилистическом статусе просторечия в русском языке (лексикографический обзор)". *Вестник Санкт-Петербургского университета* no. 3, Сер. 9. Вып. 3: 306-311.
- Хабургаев, Г. А. 1973. "Основные диалектологические понятия в свете данных лингвистической географии (на материале русского языка)." В кн. *Славянская филология*. Под ред. К. В. Горшковой & А. Г. Широковой. Вып. девятый. Москва: Издательство московского университета, 3-17.
- Шапошников, В. Н. 2012. *Просторечие в системе русского языка на современном этапе*. Москва: «ЛИБРОКОМ».
- Юнаковская, А. А. 2011. "«Язык города» как лингвистическая проблема". *Вестник Омского университета* no. 3: 193-197.
- Coupland, Nikolas and Bishop, Hywel 2007. "Ideologised values for British accent." *Journal of Sociolinguistics* 11 (1): 74-93.
- Fought, Carmen 2002. "California students' perceptions of, you know, regions and dialects?". In *Handbook of perceptual dialectology: volume 2*. Ed. by Dennis R. Preston and Daniel Long. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 113-134.
- Garrett, Peter, Williams, Angie and Coupland, Nikolas 2006. *Investigating language attitude: Social meanings of dialect, ethnicity and performance*. Cardiff: university of Wales press.
- Gould, Peter and White, Rodney 1974. *Mental maps*. Harmondsworth: Penguin.
- Jaworski, Adam, Coupland, Nikolas and Galasiński, Dariusz 2004. "Metalanguage: why now?". In *Metalanguage: social and ideological perspectives*. Ed. by Adam Jaworski, Nikolas Coupland and Dariusz Galasiński. Mouton de Guyter: Berlin, New York, 3-9.
- Kerswill, Paul and Williams, Ann 2002. "Dialect Recognition and Speech Community Focusing in New and Old Towns in England: The Effects of Dialect Levelling, Demography and Social Networks". In *Handbook of perceptual dialectology: volume 2*. Ed. by Dennis R. Preston and Daniel Long. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 173-204.
- Krause, Marion, Lublinskaja, Valentina and Sappok, Christian 2006. "Russian speaker's dialect image: A perceptual study". In *Topics in dialectal variation*. Ed. by Markku Filppula, Juhani Klemola, Marjatta Palander and Esa Penttilä. Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 31-44.
- Kunnas, Niina 2015. "Tutkimus suomalaisten maallikoiden metakielestä." *Virittäjä* 119 (4): 604-607.
- Kunnas, Niina 2018. "Viena Karelians as observers of dialect differences in their heritage language". In *On the border of language and dialect*. Ed. by Marjatta Palander, Helka Riionheimo and Vesa Koivisto. Helsinki: SKS, 123-154.
- L'Eplattenier-Saugy, Caroline 2002. "A perceptual study of French in Switzerland". In *Handbook of perceptual dialectology: volume 2*. Ed. by Dennis R. Preston and Daniel Long. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 351-365.
- Long, Daniel and Dennis R. Preston, eds. 2002. *Handbook of perceptual dialectology: volume 2*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Mielikäinen, Aila 2005. "Matkimuksista määritelmiin. Miten murteista puhutaan." *Sananjalka* 47 (1): 98-118.
- Mielikäinen, Aila ja Palander, Marjatta 2002. "Suomalaisten murreasenteista." *Sananjalka* 44 (1): 86-109.
- Mielikäinen, Aila ja Palander, Marjatta 2014. *Miten suomalaiset puhuvat murteista? Kansanlingvistinen tutkimus metakielestä*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.

- Mikkola, Anne-Maria, Koskela, Lasse, Haapamäki-Niemi, Heljä, Julin, Anita, Kauppinen, Anneli, Nuolijärvi, Pirkko ja Valkonen, Kaija 2005. *Käsikirja: Äidinkieli ja kirjallisuus*. 1-3. painos. s.l.: WSOY.
- Montgomery, Chris and Beal, Joan 2011. "Perceptual dialectology". In *Analysing variation in English*. Ed. by Warren Maguire and April McMahon. Cambridge: Cambridge university press, 121-148.
- Niedzielski, Nancy A. and Preston, Dennis R 2003. *Folk linguistics*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Palander, Marjatta 2001. "Kansan käsityksistä lingvistiikkaa." *Virittäjä* 105:1, 147-151.
- Palander, Marjatta 2015. "Rajakarjalaistaustaisten ja muiden suomalaisten mielikuvia Karjalasta." *Virittäjä* 111 (1): 34-66.
- Palander, Marjatta ja Nupponen, Anne-Maria 2005. "Karjalaisten «Karjala». *Monenlaiset karjalaiset: Suomen karjalaisten kielellinen identiteetti*". Toim. Marjatta Palander ja Anne-Maria Nupponen. Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 15-55.
- Palander, Marjatta and Riionheimo, Helka 2018. "Imitating Karelian: How is Karelian recalled and imitated by Finns with border Karelian roots?". In *On the border of language and mind*. Ed. by Marjatta Palander, Helka Riionheimo and Vesa Koivisto. Helsinki: SKS, 85-122.
- Preston, Dennis R. 1989. *Perceptual dialectology: Nonlinguists' Views of Areal Linguistics*. Dordrecht: FORIS.
- Preston, Dennis R. 1993. "Folk dialectology". In *American dialect research*. Ed. by Dennis R. Preston. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 333-377.
- Preston, Dennis R., ed. 1999a. *Handbook of perceptual dialectology: Volume 1*. Amsterdam: John Benjamins.
- Preston, Dennis R. 1999b. "Introduction". In *Handbook of perceptual dialectology: Volume 1*. Ed. by Dennis R. Preston. Amsterdam: John Benjamins, xxiii-xl.
- Preston, Dennis R. 1999c. "A language attitude approach to the perception of regional variety". In *Handbook of perceptual dialectology: Volume 1*. Ed. by Dennis R. Preston. Amsterdam: John Benjamins, 359-392.
- Preston, Dennis R. 2004. "Folk metalanguage". In *Metalanguage: social and ideological perspectives*. Ed. by Adam Jaworski, Nikolas Coupland and Dariusz Galasiński. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 75-101.
- Preston, Dennis R. 2018a. "What's old and what's new in perceptual dialectology?". In *On the border of language and dialect*. Ed. by Marjatta Palander, Helka Riionheimo and Vesa Koivisto. Helsinki: SKS, 16-37.
- Preston, Dennis R. 2018b. "Folk linguistics and language awareness". In *The routledge handbook of linguistic awareness*. Ed. by Peter Garrett and Josep M. Cots. New York & London: Routledge, 375-386.
- Rensink, W. G. 1999. "Informant classification of dialects". Translated by Dennis R. Preston. In *Handbook of perceptual dialectology: Volume 1*. Ed. by Dennis R. Preston. Amsterdam: John Benjamins, 3-8.
- Räsänen, Maaret ja Palander, Marjatta 2015. "Kansandialektologinen testi murrepiirteiden keskinäisestä murteellisuusrjestyksestä." *Virittäjä* 119 (1): 4-33.
- Schleef, Erik 2014. "Written surveys and questionnaires in sociolinguistics". In *Research Methods in Sociolinguistics: A practical guide*. Ed. by Janet Holmes and Kirk Hazen. Hoboken: Wiley Blackwell, 42-57.
- Sibata, Takesi 1999. "Consciousness of dialect boundaries". Translated by Daniel Long. In *Handbook of perceptual dialectology: Volume 1*. Ed. by Dennis R. Preston. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 39-62.
- Yonezawa, Midori 2002. "Influence of Vowel Devoicing on Dialect Judgments by Japanese Speakers". In *Handbook of perceptual dialectology: volume 2*. Ed. by Dennis R. Preston and Daniel Long. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 367-396.

Дипломные работы и диссертации

- Haaramo, Annika 2015. ”Se on erilainen ja siksi jopa hauska – kansanlingvistinen tutkimus hämäläismaallikoiden lounaismurretta koskevista käsityksistä.” Pro gradu -tutkielma. suomen kieli. Tampereen yliopisto. Tampere.
- Isomöttönen, Tarja 2008. ”Vetelin lukiolaisnuorten murreasenteista ja murretietoisuudesta.” Pro gradu -tutkielma. suomen kieli. Jyväskylän yliopisto. Jyväskylä.
- Kauppila, Elisa 1991. ”Красносельский говор в двух поколениях.” Pro gradu -tutkielma. slaavilainen filologia. Tampereen yliopisto. Tampere.
- Kyllönen-Sara-aho, Sallamaari 2017. ”Pohjoiskarjalaisten S2 -puhujien murrehavainnot ja käsitykset aluemurteen opetuksesta.” Pro gradu -tutkielma. suomen kieli. Itä-Suomen yliopisto. Joensuu.
- Leander, Anna-Riitta 2008. ”Maallikon käsityksiä puhekielestä eri ikäpolvilla – kansanlingvistinen näkökulma.” Pro gradu -tutkielma. suomen kieli. Tampereen yliopisto. Tampere.
- Nupponen, Anne-Maria 2011. ”»Savon murre» savolaiskorvin. Kansa murteen havainnoijana.” Publications of the University of Eastern Finland. Dissertations in Education, Humanities, and Theology. ”Väitöskirja”. University of Eastern Finland. Joensuu.
- Vaattovaara, Johanna 2009. ”Meän tapa puhua: Tornionlaakso pellolaisnuorten subjektiivisena paikkana ja murrealueena.” Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. ”Väitöskirja”. Helsinki.

Источники, опубликованные в интернете

- Lukiolaki 2018/714. Annettu Helsingissä 10.08.2018. lain sähköinen osoite <<https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2018/20180714>>
- Perusopetuksen opetussuunnitelman perusteet 2014. Opetushallinto. <<https://eperusteet.opintopolku.fi/#/fi/perusopetus/419550/sisallot/466341?valittu=428782>> [просмотрен 7.12.2019]

Словари и другие источники

- РЯЭ = *Русский язык. Энциклопедия*. 1997. Глав. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд. переработанное и дополнительное. Москва: Большая российская энциклопедия; Дрофа.
- РД - Бромлей, С. В., Булатова, Л. Н., Гецова, О. Г., Захарова, К. Ф., Касаткин, Л. Л., Кузьмина, И. Б., Мораховская, О. Н., Немченко, Е. В., Орлова, В. Г., Ровнова, О. Г. и Тер-Аванесова, А. В. 2013. *Русская диалектология*. Под ред. Л. Л. Касаткина. Изд. 3-е. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА.
- ADoVoE = *A Dictionary of Variations of English*. 2014. By Raymond Hickey. Hoboken: John Wiley & Sons.

Приложения

Приложение 1. Незаполненная карта США.

Figure 2.1: Fieldwork, blank map used in the map-drawing task

(Preston 1989: 26)

Приложение 2. Cowboy Joe's.

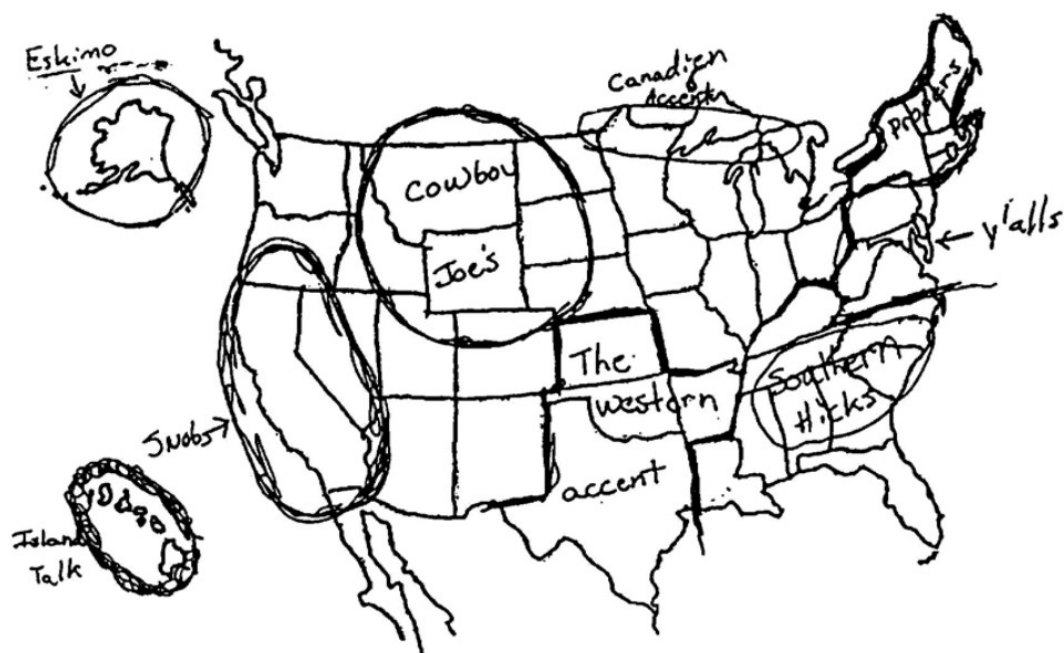

Figure 2.14 Michigan hand-drawn US dialect map

(Niedzielski & Preston 2003: 58)

Приложение 3. Valley girl.

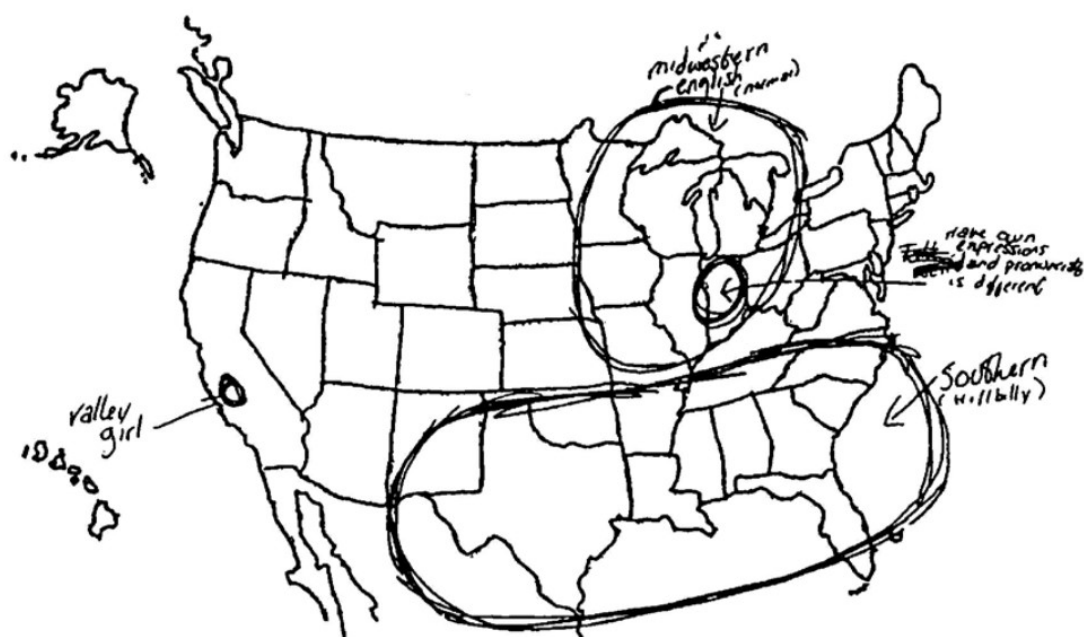

Figure 2.15 Another Michigan hand-drawn US dialect map

(Niedzielski & Preston 2003: 58)

Приложение 4. Социолингвистические анкеты.

1. год рождения: _____

2. Ваш пол: М / Ж

3. Место рождения (Если Вы родились вне Финляндии, напишите также, сколько вам было лет, когда вы переехали в Финляндию)

4. У вас есть родственники, живущие в России?

☐ Да

☐ Нет

Если вы ответили *да*, расскажите, где они живут (назовите, по крайней мере, область проживания).

5. Вы часто ездите в Россию? Поставьте галочку в пункт, наиболее близкий вашему выбору.

☐ раз или реже в год

☐ 2-4 раза в год

☐ раз в месяце

☐ два раза или чаще в месяце

6. В России вы проводите время преимущественно:

☐ в городе

☐ в сельской местности

☐ в городе и сельской местности

Название города и/или села:

7. Где и как вы изучали русский язык:

- ☐ это домашний язык
- ☐ я научился/научилась писать
 - ☐ в России
 - ☐ в школе
 - ☐ дома
 - ☐ другое, где: _____
 - ☐ в Финляндии
 - ☐ в школе
 - ☐ дома
 - ☐ другое, где: _____

8. Изучали ли вы когда-либо теорию о русском языке: о его стилях? О разных типах лексики? О грамматике, синтаксисе и грамматической правильности русского языка?

- ☐ в школе, гимназии (сколько лет, когда): _____
- ☐ просто сам/а учебные пособия или материалы
- ☐ у меня не было систематического курса русского языка
- ☐ нигде не изучал/а

9. Читали ли/читаете ли вы что-либо (статьи в журналах, в Интернете) о состоянии современного русского языка в России (как меняется русский язык и что в нём меняется)?

10. Как вы связаны с русским языком в России:

- ☐ общаетесь с родственниками в России
- ☐ читаете художественную литературу
- ☐ смотрите ТВ-программы
- ☐ участвуете в русских, русскоязычных социальных сетях (каких?):

11. Обращаете ли вы внимание на качество русского языка в России? На что именно?

12. Если вы встречаете в социальных сетях, литературе, интернете, жаргонные, диалектные, профессиональные или разговорные слова, то, что выделяете:

- ☐ пропускаете их
- ☐ пытаетесь понять их значение
- ☐ спрашиваете у родителей, друзей, знакомых
- ☐ смотрите словарь

13. Можете ли вы узнать жаргонные, сленговые, диалектные слова и профессионализмы в российских телепрограммах, живой речи жителей России? Часто ли вы их слышите?

14. Ваша оценка таких слов:

- ☐ они мне мешают
- ☐ интересно их слышать (даже если я не понимаю значения)
- ☐ пытаюсь ли я узнать их значение и (возможно) использовать в своей речи

15. Когда вы бываете в России, то:

- ☐ говорят ли вам люди, что ваша речь отличается от русской речи жителей России? Чем?

- ☐ слышите вы какие-то языковые элементы в речи людей, которые вам непонятны? Какие?

☐ в речи старшего поколения?

☐ в речи молодежи?

16. Все ли вы понимаете в российских телевизионных программах или других формах (российских) медиа?

☐ Да

☐ Нет (расскажите более конкретно, что в них вам непонятно):

17. Говорят ли у вас в семье о русском языке, на котором говорят русскоязычные в Финляндии и о русском языке в России? Отличается ли он?

Практические задания

Выше представлена карта Российской Федерации с административными границами.

Задание №1. Маркируйте на карту (выше) границы, где, на основе вашего опыта и/или представления, люди имеют в своей речи своеобразные языковые элементы (фонетические, грамматические, лексические, и т.д.), отличающиеся от речи других людей. Потом ответьте на пункты А и Б.

А) Расскажите, какие языковые особенности люди в маркированных вами местах имеют. Если вы маркировали многие места, разделите их друг от друга.

Пример: Фонетические особенности: В таком-то месте (регионе) имеют такие фонетические черты, а в месте Б другие.

Фонетические:

Грамматические:

Лексические:

Другие:

Б) Поставьте галочку в том вариант, который явился основой на вашей маркировке. Вы можете выбрать несколько вариантов.

- ☐ свой личный опыт
- ☐ представление
- ☐ другое (что именно?)

Если вы не поставили галочку в графе *мой личный опыт*, перейдите к следующему пункту. Выберите подходящий ниже вариант, который лучше всего характеризует ваш выбор.

☐ путешествие в данных местах	☐ социальная медиа
☐ другие медиа	☐ другое

Расскажите немного конкретнее о Вашем выборе:

Если вы не поставили галочку в графе *представление*, вы можете перейти к следующему пункту. Выберите подходящий ниже вариант, который лучше всего описывает, на чём вы основываете ваше представление.

- ☐ документальные фильмы
- ☐ художественное творчество (литература, музыка)
- ☐ другой

Расскажите немного конкретнее о Вашем выборе:

Если вы не выбрали пункт *другое*, вы можете перейти к следующему заданию. Расскажите свободно, что явилось основой вашей маркировки в первом задании:

Задание № 2. Прочитайте фрагменты текстов и попытайтесь найти в них разговорные, жаргонные, диалектные элементы. Подчеркните эти слова (по вашему мнению) и разделите найденные вами языковые элементы на 3 группы (таблица внизу):

1. На стоянке водители закричали:

– Опять ты очередь нарушил, дядя Митя!

– Товарищ на ЗИЛ претендует, – на ходу показал на меня дядя Митя.

– Мне все равно в конечном счете, – сказал я, – ЗИЛ, «Чайка», «Волга»... – Разумеется, я шутил.

– Видите, гаврики? – сказал дядя Митя. – Это особый случай.

– Химик ты, Митька! – сердито сказал ему его сверстник Семен Вольф.

– Сема, ша. Закончим этот разговор. Прошу, товарищ, садитесь. Сиденье кожаное. Сейчас поедem, радио включим. Поедем стремительно и под джаз. Одну минуточку!

Окрыленный первым успехом, дядя Митя снова побежал в переулок. Минут пять он там рыскал, а потом выудил с автобусной остановки трех женщин с узлами и кошелками. Не глядя на водителей, он провел женщин к машине, усадил их на заднем сиденье, запихал часть узлов в багажник, а часть навалил женщинам на колени.

– Ну и химичит дядя Митя, – говорили водители.

(Василий Аксёнов. **Товарищ красивый Фуражкин**)

2. Дед помолчал.

- Ладно... пройдет так. Потом, попозже, курям посыплешь да коровёнке на ночь пару навильников дашь. Воротчики только закрыть не забудь!

(Василий Шукшин. **Космос, нервная система и шмат сала**)

3. *Фразы из газет:*

«Третья ходка Михайлова» (МК №26636 29.09.2014);

«По лицам тех, кто пришел на панихиду, можно составлять энциклопедию русских типов – от вечного студента в толстовке и обтерханных штанах до западноевропейского вида дивы с какой-то непоправимой русской грустью во

взгляде» (РГ №193 12.09.2008);

«На прилегающих территориях ежегодно самцы лосей устраивают свои турнирные поединки, и здесь можно их вабить» (МК №26662 24.10.2010);

«В Нижнем Новгороде вандалы порушили кладбище» (АиФ 29.06.2010 online);

«Лесничий Большеуковского районе не доглядел за лесорубами» (АиФ №17 09.09.2011);

«Пока мы обтряхивали от снега и пыли свои сапоги в сенях, она собрала нам повечерить ароматные щи с мясом» (КП 31.12.2014 online).

4. – Привет, чувак!

- Здорóв, братан!

-Чё делаешь вечером? Может, махнём в дискач? Музон послушаем, потанцуем?

-Окей, только у предков отпрошусь. Звякни мне минут через десять на мобилу.

- Замётано...

Разговорные	Жаргонные	Диалектные

Ваши комментарии к предыдущим задачам и к анкете в целом (что было трудным, что полезным, о чём анкета и вопросы заставили задуматься):

Спасибо за ваше участие в социолингвистическом эксперименте!

Приложение 5. Информационный листок.

Уважаемый участник,

Спасибо вам за участие в настоящем анкетировании!

Ниже найдутся краткая информация о цели и применении анкет, структуре анкет, уединенности. Ниже найдется также контактная информация.

Цель анкет

В настоящих анкетах представляются вопросы и задания, с помощью которых исследуется языковое сознание русскоязычных, живущих в Финляндии. Цель работы – выяснить восприятия русскоязычных, живущих в Финляндии, о русском языке. Настоящие анкеты создают эмпирический материал, который будет анализироваться в дипломной работе.

Структура анкет

Анкеты состоятся из многовариантных вопросов, открытых вопросов, а также из двух практических заданий. Ответьте на вопросы и сделайте задания на основе вашего личного опыта и/или знания.

Мы хотим напомнить вам, что настоящие анкеты – не тест. Это значит, что мы не ожидаем «правильные» ответы (oppikirjavastauksia), а именно ответы, в которых вы расскажете на основе вашего личного опыта или знания (на вопросы нет неправильных или плохих ответов).

Уединенность

Ваши ответы обсуждают в дипломной работе анонимно.

Контактная информация

При любом вопросе вы можете связаться с нами по электронной почте.